

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ТРИЛЛЕР

ГОЛОС ЗА СТЕНОЙ

ЗАПИСЬ № 7

● ЗАПИСЬ

НАТАЛИ МОРРОУ

Натали Морроу

Голос за стеной. Запись 7

<https://litres.ru/74192803>

SelfPub; 2026

Аннотация

В небольшом городе доктор Марк Уорт считается человеком, которому можно доверить всё. Его пациенты рассказывают ему свои страхи, тайны и признания, уверенные, что сказанное в кабинете никогда не выйдет за его стены.

Но когда полиция начинает находить тела с записками, содержащими фразы из закрытых психотерапевтических сеансов, становится ясно: кто-то слушал. Кто-то сохранял каждое слово.

След ведёт к старой записи под номером семь — единственной, которую Марк не помнит. Чтобы остановить убийцу, ему придётся восстановить содержание исчезнувшего разговора. Но чем ближе он подходит к правде, тем страшнее становится вопрос: действительно ли он был только свидетелем?

Содержание

Глава 1	5
Аплодисменты	5
Глава 2	28
Человек, который не смеётся	28
Глава 3	66
Открытая дверь	66
Глава 4	115
Осада окончена	115
Конец ознакомительного фрагмента.	142

Натали Морроу

Голос за стеной. Запись 7

Голос за стеной

Запись № 7

Натали Морроу

Глава 1

Аплодисменты

— Доктор Уорт, вы действительно считаете, что любовь не должна быть трудной?

Марк повернулся к ведущей и выдержал паузу. За её спиной на огромном экране застыло слово «ЛЮБОВЬ», будто кто-то собирался продать зрителям новую религию сразу после рекламного блока.

— Налоговая декларация трудная, — сказал он. — Любовь иногда утомительная. А когда вы каждое утро проверяете, не заблокировал ли партнёр вашу банковскую карту, это уже не сложные отношения. Это мелкое финансовое преступление.

Зал засмеялся. Эвелин Кросс тоже, хотя вопрос был напечатан у неё на карточке и ответ Марка она слышала на репетиции. Тогда он сказал про вооружённое ограбление. Продюсер попросил заменить формулировку: утренний эфир, семейная аудитория, рекламодатель выпускает йогурты.

Марк заменил. Смысл выжил.

— То есть вы против компромиссов? — спросила Эвелин.

— Я против слова «компромисс», когда им прикрывают капитуляцию.

В первом ряду женщина с ярко-красными ногтями закивала так энергично, словно получила разрешение на развод прямо в студии. Эвелин подняла следующую карточку.

— Хорошо. Тогда история нашей зрительницы. Она замужем четырнадцать лет. Муж проверяет её телефон, не любит её подруг, контролирует расходы, но говорит, что всё это связано с тревогой и страхом потерять семью.

— Удивительно, как много людей называют тревогой желание знать пароль от чужой почты.

В зале снова засмеялись.

— Она говорит, что он хороший отец.

— Это прекрасно. Отцовство не даёт скидку на поведение мужа.

— Но у них двое детей.

— Дети уже есть. Это не аргумент оставаться. Это обстоятельство, которое придётся учитывать, когда она решит, что делать дальше.

Эвелин посмотрела в камеру.

— Вы слышите? Доктор Уорт никого не уговаривает разводиться.

— Конечно. У меня нет столько свободных вечеров, чтобы потом помогать всем переезжать.

Смех прокатился по студии, добрался до последних рядов и вернулся к сцене. Марк дождался, пока стихнут хлопki.

— Я серьёзно, — сказал он. — Никто снаружи не может решить за человека, когда ему уходить. Особенно если ря-

дом тот, кто контролирует деньги, детей, жильё. Совет «просто уйди» обычно дают люди, которым вечером не придётся возвращаться в этот дом.

В студии стало тише. Эвелин положила карточку на колесо. Этот момент она любила больше всего: Марк разгонял зал, давал людям расслабиться, а потом говорил что-то, после чего они переставали улыбаться и начинали слушать.

— А как понять, что дом перестал быть безопасным? — спросила она.

Марк посмотрел на женщину с красными ногтями. Та уже не кивала. Она сидела, сцепив руки на сумке.

— Если дверь приходится держать плечом, это уже не дом. Это осада.

В студии наступила пауза. Где-то наверху щёлкнул операторский переключатель. На мониторе возле камеры загорелся красный огонёк. Женщина в первом ряду опустила взгляд. Эвелин коснулась её руки.

— Вы в порядке?

Женщина кивнула, прижала пальцы к губам и всё-таки расплакалась. Продюсеры обожали такие моменты. Они называли их настоящими. Марк называл их моментами, которые через час разрежут на вертикальные видео, наложат музыку и подпишут: «Фраза, изменившая её жизнь». Он наклонился вперёд.

— Не принимайте сейчас никаких решений, — сказал он женщине. — И не рассказывайте ему вечером, что сегодня

что-то поняли. Сначала позвоните тому, кому доверяете. Потом узнайте, где ваши документы. Потом подумайте, куда можете уйти, если разговор станет опасным. Осознание — хорошая вещь. План ещё лучше.

Она вытерла щёки.

— Я всё время думаю, что, может, я преувеличиваю.

— Большинство людей, которые преувеличивают, не тратят годы на доказательство обратного.

Она коротко рассмеялась сквозь слёзы.

— Моя сестра говорит то же самое.

— Тогда у вашей сестры подозрительно низкий тариф.

Зал снова ожил. Эвелин улыбнулась, камера ушла на общий план, и над сценой загорелась надпись «АПЛОДИСМЕНТЫ». Люди подчинились. На рекламу ушли под бодрящую музыку и обещание после перерыва выяснить, почему успешные женщины выбирают эмоционально недоступных мужчин. Марк снял микрофон с лацкана.

— Потому что доступные в это время на работе, — сказал он.

Эвелин засмеялась и передала карточки помощнице.

— Пожалуйста, не говори это в эфире. У нас следующий спонсор — приложение для знакомств.

— Тогда скажу, что любовь живёт в радиусе пяти миль и предпочитает мужчин ростом от шести футов.

К ним подбежала девушка с гарнитурой.

— Три минуты. Доктор Уорт, после блока у нас два во-

проса из зала и короткая игра.

— Что за игра?

— Мы показываем фразы, а вы говорите: красный флаг или нормальная реакция.

— То есть психология теперь светофор.

— Это хорошо работает в социальных сетях.

— Кокаин тоже хорошо работал на телевидении восьмидесятых. Не всё нужно возвращать.

Девушка не поняла, шутит он или нет. На всякий случай улыбнулась и убежала. Эвелин отпила воды.

— Ты когда-нибудь бываешь доволен?

— Иногда. В очень узком кругу и без камер.

— Врёшь.

— Конечно. Мы же на телевидении.

Из-за кулис показался Томас. На нём был тёмно-синий костюм, который выглядел так, будто сам знал расписание на неделю и не одобрял опозданий. В одной руке Томас держал телефон Марка, в другой — бумажный стаканчик с кофе.

— Твой агент звонил четыре раза, — сказал он. — После третьего я решил, что ты умер. После четвёртого понял, что он просто агент.

Марк взял кофе.

— Он не агент. Он посредник между моей жизнью и людьми, которые хотят продать моё лицо рядом с матрасом.

— Сегодня это витамины.

— Ещё хуже. Матрас хотя бы не обещает исцелить дет-

скую травму.

Эвелин протянула Томасу руку.

— Доктор Хейл. Вы опять отказываетесь выйти в эфир?

— У кого-то в нашем центре должна остаться лицензия.

— Не слушай его, — сказал Марк. — Томас отвечает за всё серьёзное, пока я изображаю психотерапию с человеческим лицом.

— Он имеет в виду, что я читаю документы.

— Кто-то же должен знать, чем мы занимаемся.

Томас передал ему телефон.

— Тебя ждут двадцать семь сообщений. Пять от пациентов, восемь от прессы, остальные от людей, которые увидели тебя восемь минут назад и уже хотят провести совместный прямой эфир.

— Мир стал слишком быстрым. Раньше человеку требовалось хотя бы дочитать книгу, прежде чем предложить автору сотрудничество.

— Большинство не дочитывают даже подпись под видео.

Ассистентка снова оказалась у сцены и подняла три пальца. Томас поправил Марку воротник.

Сделал это привычно, без вопроса, как человек, который слишком много раз наблюдал его перед камерами.

— У тебя нитка.

— Оставь. Пусть зрители видят, что я доступен простым людям.

— Они увидят, что ты линяешь.

Марк посмотрел на Томаса.

— Зависть делает тебя мелочным.

— Твоя популярность делает меня бухгалтером.

— Я всегда знал, что во мне есть разрушительная сила.

Эвелин покачала головой.

— Вы женаты?

— Хуже, — сказал Томас. — Мы деловые партнёры.

Музыка стала громче. Помощница махнула им возвращаться на места. Томас отошёл за камеру. Марк сел в кресло и снова надел улыбку, которая выглядела естественно хотя бы потому, что в основном такой и была. После рекламы на экране появились две таблички: «КРАСНЫЙ ФЛАГ» и «НОРМАЛЬНО». Эвелин прочитала первую фразу:

— «Он просит написать, когда я добралась домой».

Марк поднял табличку «НОРМАЛЬНО».

— Если после этого он не требует фотографию входной двери, геолокацию и показания консьержа.

Вторая фраза:

— «Она ревнует меня ко всем моим бывшим».

— Сколько их?

— В условии не сказано.

— Тогда я на стороне женщины. Возможно, ей выдали слишком большой архив.

Зал засмеялся.

— «Он говорит, что не готов к отношениям, но злится, когда я встречаюсь с другими».

Марк поднял «КРАСНЫЙ ФЛАГ».

— Человек не может одновременно закрыть ресторан и требовать, чтобы вы не ели в других местах.

— «Она постоянно спрашивает, люблю ли я её».

— Иногда это тревога. Иногда вы действительно ведёте себя как мудака.

Эвелин едва удержала табличку.

— Утренний эфир.

— Я сказал «иногда».

Режиссёр за камерой закрыл лицо ладонью. Томас за его спиной спокойно пил воду.

Последний вопрос из зала задала женщина лет пятидесяти в светлом пиджаке. Она встала, взяла микрофон и сначала трижды поблагодарила Марка за книгу, передачу и работу центра.

— Я двадцать два года замужем, — сказала она. — Мой муж не жестокий человек. Он никогда меня не бил, не оскорблял. Но он как будто... отсутствует. Мы живём рядом, и всё. Я пыталась разговаривать, предлагала терапию. Он говорит, что у нас нормальный брак. Может, я просто слишком многого хочу?

— Чего именно вы хотите?

— Чтобы он хоть иногда спрашивал, как я.

— И это кажется вам слишком многим?

Она пожала плечами.

— По его словам, да.

Марк положил табличку на стол.

— Сложная — это налоговая декларация. Ваш муж просто эмоционально ленивый.

Зал засмеялся, женщина тоже.

— Он хороший человек.

— Я вам верю. Хорошие люди иногда бывают ужасными партнёрами. Добропорядочность не заменяет близость.

— Он работает, обеспечивает семью.

— Вы сейчас перечисляете обязанности взрослого человека.

Улыбка женщины стала слабее.

— Я боюсь разрушить всё, что у нас есть.

— А что у вас есть?

Она замолчала. Марк подождал.

— Дом, дети, общие друзья, привычная жизнь.

— Я спросил о браке.

В зале снова стало тихо. Женщина сжала микрофон.

— Не знаю.

— Вот с этого и начните. Не с развода. Не с угроз. Не с очередной попытки убедить его, что вам плохо. Просто перестаньте отвечать за двоих, когда спрашиваете себя, есть ли у вас отношения.

— А если ответ мне не понравится?

— Ответы редко стараются понравиться. Это работа рекламы.

Эвелин улыбнулась.

— Доктор Марк Уорт, автор книги «Комната без свидетелей», сооснователь Центра психологического здоровья Беллвуда. Спасибо, что снова были с нами.

— Спасибо, что опять не вырезали меня после первой рекламы.

— Мы ещё не закончили монтаж.

Музыка поднялась, зал встал, камеры отошли на общий план. Марк улыбался, махал людям, принимал аплодисменты и видел, как женщина в светлом пиджаке всё ещё стоит с микрофоном в руке. Её соседка что-то шепнула ей, потом обняла. Над сценой снова горела команда «АПЛОДИСМЕНТЫ». Люди хлопали и без неё. За кулисами на Марка навалились сразу.

Продюсер просил записать короткое видео для социальных сетей. Редактор хотел согласовать следующий эфир. Девушка из рекламного отдела протянула коробку с витаминами, которые он, судя по её выражению лица, уже почти рекомендовал всей стране. Эвелин утащили переодеваться для следующего блока. Марк подписал две книги, сфотографировался с женщиной, которая называла его доктором Уорреном, и записал пятнадцатисекундный ролик о том, что границы не делают человека эгоистом.

— Делают, — сказал Томас, когда телефон наконец убрали. — Просто иногда эгоизм полезен.

— Почему ты не вышел и не сказал это сам?

— Потому что у меня нет твоей удивительной способно-

сти улыбаться, пока вокруг горит здание.

— Это профессиональное.

— Это расстройство личности.

Они шли по узкому коридору к гримёрным. На стенах висели фотографии гостей: актёры, политики, врачи, женщины с идеальными зубами, которые написали книги о внутренней свободе и приехали на эфир с тремя помощниками. Томас открыл дверь гримёрной.

— Десять минут, и выезжаем.

— У меня встреча с продюсером.

— Отменил.

— На каком основании?

— На том, что в четыре у тебя пациент, а Беллвуд не приблизился к студии, пока ты рассказывал людям, как строить границы.

Марк сел перед зеркалом и начал стирать пудру салфеткой.

— У меня был водитель.

— Он уехал.

— Почему?

— Потому что ты сказал ему, что освободишься в двенадцать.

— Сейчас двенадцать двадцать.

— Сейчас час сорок.

Марк посмотрел на часы.

— Телевидение искажает время.

— Телевидение. Конечно.

Томас положил на стол папку.

— Подпиши.

— Что это?

— Согласие на новые правила хранения записей.

— Я согласен.

— Подписью.

— Ты слишком привязан к бумаге.

— Бумага редко заявляет через год, что её никто не предупреждал.

Марк пролистал документ, не читая, и взял ручку. Томас выдернул папку из-под его руки.

— Сначала прочитай.

— Ты только что сказал подписать.

— Это была проверка.

— И как?

— Ты бы отдал почку человеку с папкой.

— Только одну. Я осторожный.

Томас снова положил документ перед ним. Марк прочитал первую страницу, вторую, на третьей остановился.

— Здесь написано, что записи уничтожаются через семь лет.

— Это и раньше было написано.

— Тогда зачем новые правила?

— Облачное хранение. Юристы хотят отдельное согласие.

— Юристы хотят, чтобы человечество перестало разгова-

ривать без свидетелей.

— Поэтому ты психотерапевт, а я человек, который не даёт нам попасть под суд.

Марк подписал.

— Когда-нибудь я выясню, сколько денег ты зарабатываешь на моём страхе перед документами.

— Меньше, чем ты на страхе людей перед одиночеством.

Марк бросил в него салфетку. Томас поймал её двумя пальцами и выбросил в корзину. На улице их встретили холодный ветер, три женщины с телефонами и мужчина, который попросил Марка записать обращение к своей бывшей жене.

— Что именно сказать? — спросил Марк.

— Что ей надо дать мне ещё один шанс.

— Нет.

Мужчина растерялся.

— Почему?

— Потому что я её не знаю.

— Но вы же психолог.

— Именно.

Томас открыл машину.

— Садись, пока он не попросил диагноз.

— Она говорит, что я нарцисс! — крикнул мужчина.

Марк уже взялся за дверь.

— Возможно, она просто очень наблюдательная.

Томас втолкнул его в салон и обошёл машину.

— Однажды тебя ударят.

— Люди годами платят мне за то, что я говорю вещи хуже.

— Пациентов останавливает счёт. У прохожих его нет.

Они выехали со стоянки и почти сразу застряли в пробке. Город двигался рывками: красный свет, гудки, пешеходы, автобусы, огромные экраны с чужими лицами. На одном из них появилась Эвелин Кросс, рекламирующая новый сезон своего шоу. Марк увидел собственное отражение в стекле и отвернулся. Телефон вибрировал у него на колене. Короткий ролик с фразой про осаду уже набрал сто восемьдесят тысяч просмотров. Кто-то добавил медленную музыку и крупные субтитры. В комментариях люди благодарили, спорили, рассказывали о своих браках и обвиняли Марка в разрушении семейных ценностей.

— Семь минут, — сказал он.

— Что?

— Семь минут прошло после эфира.

— Тебя удивляет интернет?

— Меня удивляет скорость, с которой человек может решить, что знает мою душу.

— Ты только что за три минуты объяснил женщине её двадцатидвухлетний брак.

— Это другое.

— Разумеется.

Марк открыл комментарии. «Он говорит то, что все боятся признать». «Очередной разведенец учит женщин бросать

мужей». «Где найти такого терапевта?» «Мой муж сказал, что этот доктор опасен». «Если дверь приходится держать плечом, это не дом. Господи». Марк закрыл приложение.

— Последний хороший комментарий всегда стоит читать предпоследним.

— Я тебе это говорил.

— Ты говоришь слишком много разумного. Люди начнут подозревать.

Томас перестроился в соседний ряд.

— В центре уже сорок три новые заявки.

— После одного эфира?

— После одной фразы.

— Значит, поднимем цены.

— Я уже поднял.

Марк повернул голову.

— Когда?

— Месяц назад.

— Почему я не знаю?

— Ты подписал.

— Я знал, что эта папка опасная.

Томас улыбнулся.

— Нора написала. Просит забрать хлеб.

— Я известный психолог. Я не могу появиться в супермаркете после национального эфира.

— Ты появляешься там три раза в неделю.

— Это было до славы.

— Двадцать минут назад?

— Слава быстрая.

К Беллвуду они добрались после трёх. Город встретил их чистыми тротуарами, старой кирпичной ратушей и витринами, в которых никто не торопился менять сезонные декорации.

Здесь жили люди, которые говорили «мы переехали из города», будто сбежали из зоны боевых действий. Они покупали дома с верандами, водили детей в частные школы и знали, у кого из соседей проблемы, раньше, чем сами соседи успевали их сформулировать. Центр стоял на углу Мэйпл-стрит, в бывшем здании банка. Томас настоял сохранить тяжёлые каменные стены и старую лестницу. Марк настоял убрать решётки с окон. На фасаде металлическими буквами было написано: ЦЕНТР ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЗДОРОВЬЯ БЕЛЛВУДА ДР. МАРК УОРТ ДР.

ТОМАС ХЕЙЛ Имя Марка было крупнее. Не по его просьбе, как он любил напоминать. По решению дизайнера, которого нанял Томас. В холле пахло кофе, деревом и слишком дорогим диффузором. Администратор Кейт увидела Марка и подняла телефон.

— Нет, — сказал он.

— Я хотела показать вам запись.

— Тем более нет.

— Там уже четыреста тысяч просмотров.

— Поставьте на экран в приёмной. Пусть пациенты видят,

за что платят.

Кейт улыбнулась.

— Вас ждёт мистер Лэнг.

— Он на четыре.

— Сейчас четыре десять.

Марк посмотрел на Томаса.

— Ты сказал, что мы успеем.

— Я сказал, что у тебя пациент в четыре.

— Это подразумевало надежду.

— Надежда бесплатная, — сказал Томас. — Ты сам сегодня объяснил.

Марк снял пальто и отдал Кейт.

— Если мистер Лэнг спросит, почему я опоздал, скажите, что я спасал браки страны.

— Он пришёл из-за развода.

— Тогда скажите, что я создавал спрос.

Томас направился к лестнице.

— После приёма зайди ко мне. Есть изменения в расписании.

— Насколько плохие?

— Ты всё ещё работаешь здесь.

— Значит, терпимо.

В кабинете мистер Лэнг сидел на самом краю кресла, будто собирался сбежать до того, как его заставят что-нибудь почувствовать. На коленях лежало пальто. Галстук был затянут слишком туго.

— Вы опоздали, — сказал он.

— Да.

Мужчина ждал объяснения. Марк сел напротив.

— И?

— Обычно люди оправдываются.

— Обычно вы их заставляете?

Мистер Лэнг нахмурился.

— Я плачу за время.

— Сегодня заплатите за пятьдесят минут. Остальные десять я уже украл бесплатно.

Мужчина посмотрел на часы, потом всё-таки снял пальто с колен.

— Я видел вас по телевизору.

— Соболезную.

— Моя жена тоже смотрела.

— И?

— Теперь она говорит, что наш дом — осада.

Марк откинулся в кресле.

— Ваш дом — осада?

— Нет.

— Почему она так говорит?

— Потому что вы внушаете женщинам всякую чушь.

— Я с вашей женой не знаком.

— Но она вас слушает.

— Возможно, вам стоит попробовать то же самое.

Мистер Лэнг покраснел. Пять секунд он выглядел так,

будто сейчас встанет. Потом медленно опустился глубже в кресло.

— Вот поэтому она и хочет развода, — сказал он.

— Потому что я появился на телевидении?

— Потому что я всё превращаю в спор.

— Сейчас вы спорите с человеком, которого обвиняете в своём разводе, вместо того чтобы рассказать, что сказала жена.

Мистер Лэнг отвернулся к окну. За стеклом на противоположной стороне улицы женщина тащила ребёнка за руку. Ребёнок вырывался и пытался наступить в каждую лужу.

— Она сказала, что рядом со мной ей приходится всё время защищаться, — произнёс он.

Марк молчал.

— Я никогда её не бил.

— Она говорила про удары?

— Нет.

— Тогда зачем вы это сказали?

Мужчина провёл ладонью по галстуку.

— Не знаю.

— Знаете.

Сеанс закончился в пять. Мистер Лэнг вышел без пальто, вернулся через минуту и забрал его с кресла. Марк закрыл дверь, сделал две заметки и только потом позволил себе посмотреть на телефон.

Нора прислала фотографию пустой хлебницы.

Это не метафора. Купи хлеб.

Следом пришло сообщение от Зои: Пап, ты опять везде.

Под сообщением была ссылка на видео. На обложке Марк смотрел в камеру с выражением человека, который только что раскрыл государственную тайну.

Он написал: Надеюсь, хотя бы удачно.

Зои ответила почти сразу: В комментариях женщина предлагает тебе жениться на ней.

Пусть сначала заполнит анкету.

Мама сказала, что ты можешь жениться, если по дороге купишь хлеб.

Марк убрал телефон и поднялся к Томасу.

Кабинет партнёра выглядел так, будто здесь никогда никто не плакал. Светлые стены, закрытые шкафы, один ровный ряд книг, ни одной чашки на столе. Даже бумаги лежали с таким выражением, словно прошли собеседование.

Томас сидел за компьютером.

— Как мистер Лэнг?

— По-прежнему считает жену сложной.

— А себя?

— Занятым.

— Значит, прогресс.

Марк сел напротив.

— Что в расписании?

— После эфира пришло пятьдесят восемь заявок.

— Уже пятьдесят восемь?

— Ты долго разговаривал с Лэнгом.

— Это называется терапия.

— Я распределил часть между специалистами. Несколько человек настаивают на тебе.

— Все настаивают на мне.

— Большинство перестаёт, когда видит цену.

Томас повернул экран. На нём была таблица с именами, временем и краткими примечаниями.

— Завтра в одиннадцать добавил нового пациента.

— У меня окно?

— Теперь есть.

— Кого ты выбросил?

— Обед.

— Жестоко.

— Ты переживёшь.

Марк пробежал глазами по строке. Джеймс Мерсер. Тридцать восемь лет. Первичная консультация. Оплата подтверждена.

— Почему именно я?

— Он отказался записываться к кому-либо ещё.

— После эфира?

— Заявка пришла до эфира. Вчера поздно вечером.

Марк посмотрел на Томаса.

— И ты только сейчас говоришь?

— Вчера ты был на ужине с семьёй. Сегодня изображал национальную совесть. Я ждал подходящего момента.

— Чего он хочет?

Томас открыл анкету.

— Почитай сам.

Марк наклонился к экрану. Вопрос «Причина обращения» был заполнен одной строкой. Мне нужно понять, что один психолог сделал с моей семьёй. Марк перечитал.

— Конкретный человек.

— Судя по формулировке.

— Имя психолога указал?

— Нет.

— Диагнозы, лечение, жалобы?

— Остальные поля почти пустые.

Марк откинулся на спинку стула.

— Может, журналист.

— Может.

— Может, родственник бывшего пациента.

— Может.

— Может, человек, который увидел пять минут телевидения и решил, что я расследую преступления.

Томас закрыл анкету.

— Завтра узнаешь.

Марк встал.

— В одиннадцать?

— В одиннадцать.

— Пришли мне файл.

— Уже.

На улице стемнело. В окнах соседних домов зажигался тёплый свет, магазины закрывались, у ресторана на углу выставляли свечи на столы. Марк забрал пальто, купил хлеб и только дома снова открыл анкету Джеймса Мерсера. Нора готовила ужин. Зои сидела на кухонном острове и листала комментарии под его видео.

— Тут мужчина пишет, что ты агент феминистического заговора, — сказала она.

— Наконец-то стабильная работа.

Нора забрала у него пакет.

— Хлеб купил?

— Я всегда выполняю клинические рекомендации.

— Это была угроза.

— Тем более.

Он поцеловал её в щёку, сел за стол и открыл файл ещё раз. Джеймс Мерсер не указал семейное положение. Не оставил контакта экстренного лица. В графе предыдущего лечения поставил прочерк. Последний вопрос анкеты звучал: «Чего вы ожидаете от терапии?» Ответ был ещё короче. Правды.

Глава 2

Человек, который не смеётся

К девяти утра телефон на стойке администратора звонил почти без пауз. Кейт отвечала одним и тем же спокойным голосом, хотя взгляд у неё уже был такой, будто ещё одна просьба записать человека лично к доктору Уорту закончится уголовным делом.

— Центр психологического здоровья Беллвуда, доброе утро. Да, я понимаю. Нет, доктор Уорт не проводит экстренные консультации по видео. Нет, даже пять минут. Да, я уверена, что он не сможет определить по фотографии, является ли ваш супруг нарциссом.

Марк остановился возле стойки и положил рядом с ней бумажный пакет.

— Сможет, — сказал он. — Но фотография должна быть качественной.

Кейт прикрыла трубку ладонью.

— Я вас ненавижу.

— Это нормальная реакция на авторитетную фигуру.

— Она слышала.

Из телефона донёсся взволнованный женский голос:

— Это доктор Уорт?

Марк поднял руки и отошёл. Кейт вернулась к разговору:
— Нет, мэ. Это сотрудник службы доставки.

— Очень харизматичный, — добавил Марк.

Кейт повернулась к нему спиной. В холле было шумнее обычного. Две женщины заполняли анкеты у окна, мужчина в спортивной куртке говорил по телефону шёпотом, который слышали все, а возле кофейного автомата пожилая пара спорила, кто из них первым предложил семейную терапию. На экране над стойкой без звука шёл вчерашний эфир. Марк в кадре как раз произносил фразу про осаду.

— Кто это включил? — спросил он.

Кейт указала на молодого администратора в дальнем углу.

— Дэн решил, что это бесплатная реклама.

— Дэн умный человек.

— Дэн работает здесь вторую неделю и ещё не знает, сколько людей теперь требуют скидку, потому что «знакомы с вами по телевизору».

Марк достал из пакета круассан и положил перед ней.

— Компенсация.

— Один?

— Остальные принадлежат моему медицинскому персоналу.

— У нас нет медицинского персонала.

— Тогда мне.

Кейт посмотрела на круассан, на него, потом снова на круассан.

— Томас сказал, чтобы вы поднялись к нему сразу, как придёте.

— Я пришёл вовремя?

— Вы пришли в девять ноль две.

— Значит, почти идеально.

— Он здесь с семи.

— Вот поэтому у него нет друзей.

— У него есть вы.

— Я сказал то же самое.

Марк снял пальто и прошёл по коридору. После вчерашнего эфира центр выглядел прежним: светлые стены, дубовые двери, матовые стёкла, кресла, которые Томас выбирал три недели и всё равно называл временными. Только людей стало больше. Кто-то узнавал Марка и тут же делал вид, что не узнаёт. Кто-то смотрел открыто. Женщина возле кабинета номер три подняла телефон, но опустила, когда он повернулся. На втором этаже дверь кабинета Томаса была открыта. Он говорил с кем-то по громкой связи и одновременно читал договор.

— Нет, — сказал он. — Мы не будем продавать программу под названием «Пять шагов к здоровым границам».

Из динамика ответил мужской голос:

— Название рабочее.

— Тогда пусть отдохнёт.

Марк вошёл и сел напротив.

— Я бы купил.

Томас выключил громкую связь.

— Ты уже продал.

— Без моего ведома?

— Вчерашняя фраза напечатана на трёхстах футболках.

Пока не нами.

— Это нарушение авторских прав.

— Это предложение, которое ты произнёс в эфире.

— Значит, нарушение эмоциональных прав.

Томас положил перед ним планшет.

— Расписание.

— Я его видел.

— Ты открыл письмо?

— Я видел тему.

— Это не одно и то же.

Марк взял планшет. День был забит до вечера. Хелен Паркер, Рэйчел Форд, короткий звонок с редактором журнала, Вивиан Коул, супружеская пара, Джеймс Мерсер.

— Ты поставил Мерсера на пять.

— Освободилось окно.

— Вчера было одиннадцать.

— Он попросил перенести.

— Почему?

— Сказал, что ему удобнее в конце дня.

— И ты согласился?

— У нас терапевтический центр, Марк. Людям иногда бывает удобно не тогда, когда удобно тебе.

Марк пролистал ниже.

— Что с обедом?

— Он существует как концепция.

— Ты хочешь, чтобы я умер.

— Я хочу, чтобы ты ел до эфира.

— В шесть утра?

— Это называется завтрак.

Марк отдал планшет.

— Ты проверял Мерсера?

— Да.

— И?

— Адрес существует. Телефон оформлен на него. Работает консультантом по безопасности.

— Очень конкретная профессия.

— Настолько, насколько он захотел её описать.

— Семья?

— Не указал.

— Социальные сети?

— Почти нет.

— Судимости?

— Нет.

— Ты выглядишь разочарованным.

— Я выгляжу занятым.

Марк встал.

— Значит, обычный человек.

— Ты попросил проверить в пределах закона.

— Я надеялся, что закон окажется щедрее.

— Он редко щедр к тебе.

Первой пришла Хелен Паркер, женщина шестидесяти двух лет, которая третий месяц пыталась решить, ненавидит ли она свою сестру или просто устала платить за её ошибки. Она вошла с коробкой домашнего печенья, поставила её на стол и предупредила:

— Это не взятка.

— Тогда я разочарован.

— Вы вчера были прекрасны.

— Уже лучше.

— Моя сестра смотрела.

— И?

— Сказала, что вы самодовольный придурок.

— Ваша сестра выздоравливает.

Хелен засмеялась, сняла пальто и села. Через пятьдесят минут она ушла без коробки и с решением не оплачивать очередной долг сестры. Марк сделал заметки, съел одно печенье и открыл следующую карту. Рэйчел Форд вошла раньше назначенного времени. Она стояла у двери, будто ждала разрешения не только войти, но и занять место в комнате.

— Я не опоздала? — спросила она.

— Вы пришли на семь минут раньше. Это почти агрессия.

Она улыбнулась и села в кресло у окна. На ней было серое пальто, застёгнутое до горла, хотя в кабинете было тепло. Волосы собраны в низкий хвост, на правой руке тонкое

обручальное кольцо.

Кожа вокруг ногтей была ободрана до красноты.

— Я смотрела передачу, — сказала она.

— Сегодня это признание делают почти все.

— Вы говорили про дверь.

Марк закрыл карту.

— Я много чего говорил.

— Про то, что дом становится осадой.

— Помню.

Рэйчел опустила взгляд на кольцо.

— Я сняла квартиру.

Марк ничего не сказал. Она подняла глаза.

— Вы не рады?

— Вы хотите, чтобы я был рад?

— Не знаю. Наверное.

— Зачем вы сняли квартиру?

— Чтобы уйти.

— Тогда почему вы ещё здесь?

Она провела пальцем по кольцу.

— Я не смогла сказать ему.

— Вы собирались?

— Вчера.

— После эфира?

Рэйчел кивнула.

— Я даже приготовила сумку. Документы, одежду. Положила всё в машину. Потом он пришёл домой с цветами.

— Часто приносит?

— Нет.

— Почему вчера?

— Он видел передачу.

Марк чуть откинулся.

— Он знает, что вы ходите ко мне?

— Знает. Ему это не нравится.

— Что именно?

— Всё. Что я рассказываю о нас. Что вы можете на меня повлиять. Что я начала использовать слова вроде «контроль».

— Очень разрушительное слово.

Рэйчел улыбнулась, но быстро перестала.

— Он сказал, что ему страшно меня потерять. Что он понимает, как далеко всё зашло. Что согласен пойти к вам вместе.

— Вы хотите?

— Не знаю.

— Рэйчел.

Она вздохнула.

— Нет.

— Тогда зачем соглашаться?

— Я не согласилась.

— Что сказали?

— Что подумаю.

— Это согласие, только медленное.

Она отвернулась к окну. На улице прошёл школьный автобус. Несколько детей прилипли лицами к стеклу, один показал кому-то язык.

— Он плакал, — сказала Рэйчел.

— И?

— Я никогда не видела, чтобы он плакал.

— Это должно отменить то, что было до цветов?

— Нет.

— Но отменило?

Она сжала пальцы.

— На вечер.

Марк взял ручку, покрутил между пальцами и положил обратно.

— Что произошло потом?

— Мы ужинали. Он был спокойный. Спросил, понравился ли мне эфир. Я сказала, что да. Он засмеялся и спросил, не считаю ли я теперь наш дом осадой.

— Что вы ответили?

— Что иногда считаю.

Марк ждал.

— Он не кричал, — продолжила она. — Просто спросил, сколько я вам заплатила, чтобы вы научили меня ненавидеть собственную семью. Потом взял мой телефон.

— Зачем?

— Хотел посмотреть, кому я писала после передачи.

— Вы дали?

— Он уже держал его.

— Рэйчел.

— Я знаю.

— Нет, пока вы рассказываете это как бытовую мелочь.

Она провела ладонью по лицу.

— Он прочитал переписку с сестрой.

— Там было про квартиру?

— Да.

— Что он сделал?

— Спросил адрес.

— Вы сказали?

— Нет.

— Хорошо.

— Он сказал, что всё равно узнает.

В кабинете стало слышно, как работает вентиляция.

— Где ключи от квартиры?

— У меня.

— Он знает, где они?

— Нет.

— Документы?

— В машине.

— Машина где?

— На парковке.

— Он может открыть её?

Рэйчел замолчала.

— У него второй ключ.

Марк наклонился вперёд.

— Сегодня вы не едете домой.

Она вскинула голову.

— Марк...

— Сегодня вы не едете домой одна. Вы звоните сестре.

Она забирает вас отсюда. Потом вы связываетесь с владельцем квартиры и меняете замок, если муж мог найти адрес в переписке.

Машину оставляете здесь.

— Он ничего мне не сделает.

— Тогда отлично. Завтра вы вернётесь, заберёте машину и будете злиться, что я всё драматизировал.

— У нас дочь.

— Где она?

— В школе. После уроков у неё танцы.

— Кто забирает?

— Обычно я.

— Сегодня сестра.

Рэйчел начала качать головой.

— Я не могу вот так.

— Можете. Вам просто не нравится, как это выглядит.

— Он не монстр.

— Я этого не говорил.

— Вы так на него смотрите.

— Я вообще его не видел.

— Но уже решили.

— Я решил, что человек, который забирает ваш телефон, читает переписку, угрожает найти адрес квартиры и имеет доступ к вашей машине, не должен сегодня узнать, где вы находитесь.

Она закрыла лицо ладонями. Несколько секунд сидела так, потом опустила руки.

— Он хороший отец.

— Это вы уже говорили.

— Нет, не вам.

Марк посмотрел на неё.

— Кому?

— Всем.

Она засмеялась, и смех прозвучал почти беззвучно.

— Каждый раз, когда рассказываю что-то плохое, сразу добавляю, что он хороший отец. Будто это меняет остальное.

— Возможно, вы боитесь, что без этой фразы он станет человеком, от которого надо уходить.

Рэйчел отвернулась.

— Я уже сняла квартиру.

— Тогда начните относиться к себе как к человеку, который действительно собирается в ней жить.

Она долго молчала.

— Вы позвоните сестре при мне, — сказал Марк.

— Это обязательно?

— Нет. Вы можете выйти, сесть в машину и надеяться, что сегодня он снова принесёт цветы.

Рэйчел посмотрела на него с раздражением.

— Иногда вы ужасный.

— Сегодня вторник. По вторникам особенно.

Она достала телефон. Сестра ответила после второго гудка. Рэйчел говорила тихо, всё время смотрела на Марка, словно он заставлял её признаться в преступлении. Когда звонок закончился, она положила телефон на колени.

— Будет через двадцать минут.

— Хорошо.

— Она сказала, что знала.

— Сёстры любят портить драму.

— Она сказала, что ждала, когда я сама попрошу.

— Умная женщина.

Рэйчел встала, потом снова села.

— Я забыла спросить.

— Что?

— Вы правда считаете, что это осада?

Марк посмотрел на неё.

— Я считаю, что вы уже нашли выход.

Она кивнула и вышла. Марк остался в кабинете. На столе лежало печенье Хелен, рядом телефон, карта Рэйчел и ручка, которой он так и не написал ни слова. Через минуту он открыл внутреннюю систему и поставил возле имени Рэйчел отметку о повышенном риске. Добавил короткую запись: «План временного выхода. Поддержка сестры. Не связываться по домашнему номеру». Он перечитал последнюю строку

и сохранил. Томас появился в дверях без стука.

— У тебя звонок через пять минут.

— Вижу.

— Рэйчел всё ещё внизу.

— Ждёт сестру.

Томас посмотрел на него.

— Проблема?

— Муж нашёл переписку о квартире.

— Нужна охрана?

— Пока нет.

— Я скажу Кейт, чтобы не подтверждала никому, что она здесь.

— Спасибо.

Томас ушёл. Марк открыл видеозвонок с редактором журнала. Десять минут отвечал, почему люди любят психологические ярлыки, ещё пять объяснял, что не каждый неприятный человек является нарциссом, и отказался комментировать отношения двух актёров, о которых впервые услышал утром. Когда звонок закончился, Рэйчел уже уехала. Вивиан Коул пришла в два пятнадцать и не извинилась. Она никогда не извинялась за опоздания. Считала, что время людей, которые ждут, автоматически становится её временем. На ней было чёрное пальто, тёмные очки и серьги, которые стоили дороже месячной аренды кабинета Марка. Она сняла очки, положила их на стол и осмотрела комнату.

— У вас новое растение.

Марк посмотрел на фикус у окна.

— Оно здесь полгода.

— Значит, я раньше не смотрела.

— Впечатляющий прогресс.

Вивиан села и достала телефон.

— Можно ответить?

— Вы уже ответили.

Она быстро набрала сообщение.

— Это работа.

— Работа переживёт пятьдесят минут.

— Вы не знаете мою работу.

— Вы управляете компанией, которая производит упаковку.

— Мы не производим упаковку.

— Вы продаёте упаковку.

— Мы разрабатываем решения для брендов.

— Коробки.

Вивиан подняла глаза.

— Вы вчера были смешнее.

— Вчера мне платило телевидение.

Она убрала телефон в сумку.

— Моя мать умерла.

Марк перестал улыбаться.

— Когда?

— Сегодня ночью.

— Мне жаль.

— Все так говорят.

— Люди ограничены.

Вивиан посмотрела на фикус.

— Она три месяца была в хосписе. Я знала, что это произойдёт. Вчера врач сказал, что осталось несколько дней. Я уехала.

— Куда?

— Домой.

— Почему?

— У меня была встреча утром.

— И?

— Я её отменила.

— Значит, уехали зря.

Вивиан посмотрела на него резко.

— Именно поэтому я ненавижу приходить сюда.

— Вы приходите, чтобы я подтвердил, что вы всё сделали правильно?

— Хотя бы один раз можно.

— Можно. Вы всё сделали правильно.

Она прищурилась.

— Вы издеваетесь.

— Да.

Вивиан встала, прошла к окну и скрестила руки.

— Она просила остаться.

— Вы не остались.

— Я думала, будет ещё время.

— Не было.

— Спасибо. Очень полезно.

— Вы платите не за полезность.

— Тогда за что?

— За то, чтобы хотя бы в одной комнате вам не позволяли переписывать события в удобном порядке.

Вивиан медленно повернулась.

— Она умерла одна.

— Да.

— Вы могли бы сказать, что рядом были медсёстры.

— Были?

— Да.

— Тогда она умерла не одна.

— Вы прекрасно понимаете, о чём я.

— Понимаю. Но вы хотите сделать из отсутствия в одну ночь доказательство всей своей жизни.

Вивиан вернулась в кресло.

— Я была плохой дочерью.

— Что это значит?

— Я редко приезжала. Не звонила. Не хотела слушать одно и то же. Последние годы она только жаловалась.

— На что?

— На здоровье. На соседей. На моего отца, который умер двенадцать лет назад и до сих пор, по её мнению, всё делал неправильно. На меня.

— За что?

— За всё.

Вивиан усмехнулась.

— Я вышла замуж не за того. Потом развелась слишком быстро. Не родила детей. Слишком много работала. Мало приезжала. Много тратила. Недостаточно помогала. Купила ей дом, который она не хотела. Наняла сиделку, которая ей не нравилась.

— Звучит как очень длинный список для человека, который мало помогал.

— Деньги проще.

— Конечно.

— Я могла оплачивать всё и не приезжать.

— Вы так и делали.

Вивиан сжала губы.

— Вы сегодня решили быть особенно отвратительным?

— Ваша мать умерла ночью, а вы пришли сюда в два часа дня. Значит, красивые слова вам сейчас не нужны.

Она посмотрела на него и впервые за всё время не нашла ответ сразу.

— Перед тем как я уехала, она сказала: «Теперь всё останется на тебе».

— Что именно?

— Не знаю.

— Спросили?

— Нет.

— Почему?

— Потому что знала, что она имеет в виду.

— И что?

Вивиан отвела взгляд.

— Её.

— Она оставила вам себя?

— Свою обиду. Свою жизнь. Всё, что я ей должна.

— Мёртвые иногда оставляют не наследство, а счёт.

Вивиан посмотрела на него.

— Очень остроумно.

— Я не шучу.

— И что мне с ним делать?

— Сначала перестать считать его настоящим.

— Она была моей матерью.

— Это не делает любой её долг вашим.

— Я бросила её.

— Вы уехали из хосписа на ночь.

— Я бросала её всю жизнь.

— Тогда почему она жила в доме, который вы купили, с сиделкой, которую вы наняли, и лечением, которое вы оплачивали?

— Потому что я могла себе позволить.

— Вы правда хотите, чтобы я убедил вас, что деньги ничего не значат? Они значат. Просто не всё.

Вивиан провела пальцем по краю сумки.

— Я не любила её последние годы.

— Возможно.

— Это ужасно.

— Это честно.

— Какая разница?

— Огромная. Ужасные люди обычно не приходят на терапию в день смерти матери, чтобы выяснить, достаточно ли они страдают.

Вивиан закрыла глаза.

— Я не страдаю.

— Вы сидите здесь.

— Я чувствую облегчение.

— Тогда чувствуйте.

Она открыла глаза.

— Вы понимаете, как это звучит?

— Да.

— Она умерла, а мне легче.

— Вы много лет ждали звонка, после которого больше не придётся ждать звонка.

Вивиан смотрела на него долго. Потом достала телефон, выключила и положила экраном вниз.

— Я не хочу ехать на похороны.

— Не едьте.

— Все будут говорить.

— Они всё равно будут.

— Моя тётя скажет, что я бессердечная.

— Ваша тётя приехала в хоспис?

— Один раз.

— Тогда у неё очень удобная мораль.

Вивиан фыркнула.

— Вчера вы сказали женщине, что нельзя держать дверь плечом.

— Говорил.

— Все сегодня повторяют.

— Я заметил.

— Вы сами верите в эту чушь?

— Иногда.

— А если дверь держишь не для того, чтобы кто-то не вошёл? Если боишься, что человек выйдет?

Марк посмотрел на неё.

— Тогда это всё равно дверь.

Она взяла очки.

— Ненавижу ваши ответы.

— Зато помните.

Вивиан встала.

— Я оплачу следующую встречу, но могу не прийти.

— Вы всегда её оплачиваете и иногда не приходите.

— Поэтому вы меня любите.

— Ваш бухгалтерский отдел очень убедителен.

У двери она остановилась.

— Что вы сказали про счёт?

— Ничего.

— Марк.

— Я сказал, что мёртвые иногда оставляют не наследство,

а счёт. Это ещё не значит, что вы обязаны его оплачивать.

Вивиан кивнула, будто запоминала формулировку для спора.

— Всё равно звучит как фраза для кружки.

— Томас уже ищет поставщика.

Она вышла. Марк сделал несколько заметок. Поставил дату смерти матери, коротко описал реакцию Вивиан и закрыл карту. За дверью прошла Кейт, потом кто-то засмеялся в коридоре.

Через стеклянную вставку он увидел Томаса, который разговаривал с двумя сотрудниками возле лестницы. Томас заметил его взгляд, показал на часы и пошёл дальше. Следующая пара опоздала на двенадцать минут и первые двадцать обвиняла друг друга в опоздании. К концу встречи выяснилось, что муж уже три месяца спит в гостевой комнате, жена читает его сообщения, оба хотят сохранить брак и оба ждут, что первый шаг сделает другой. Когда они ушли, Марк закрыл дверь и пять секунд стоял, прижавшись лбом к дереву. Телефон на столе показал пять сорок.

Джеймс Мерсер опаздывал на сорок минут. Марк открыл его анкету ещё раз. Ничего нового там не появилось. Кейт позвонила по внутренней линии.

— Ваш пациент пришёл.

— Он на пять.

— Говорит, вы договорились на шесть.

— Мы не договаривались.

— Томас перенёс.

Марк посмотрел на время.

— Конечно.

— Проводить?

— Да.

Джеймс вошёл без пальто. Чёрная рубашка, тёмные брюки, никакой сумки, никакого телефона в руках. Выглядел моложе фотографии, хотя под глазами лежали тени, которые добавляли

несколько лет обратно. Он закрыл дверь и осмотрел кабинет. Не мельком. Проверил окно, стены, кресла, стол, камеру над внешней дверью, видимую через стекло.

— Вы ищете аварийный выход? — спросил Марк.

— Он есть?

— Дверь, через которую вы вошли.

Джеймс сел. Спину держал прямо, ладони положил на подлокотники. Ни одного лишнего движения. Марк взял планшет.

— Джеймс Мерсер.

— Да.

— Тридцать восемь лет.

— Пока.

— Консультант по безопасности.

— Иногда.

— Очень содержательная анкета.

— Я старался не утомить.

— Получилось.

Джеймс посмотрел на него. Не улыбнулся. Марк положил планшет на колени.

— Вы попросили именно меня.

— Да.

— Почему?

— Вы известный.

— Это плохая причина выбирать терапевта.

— Я не выбирал терапевта.

— А кого?

— Человека, который умеет задавать правильные вопросы.

— Судя по анкете, вопросы собирались задавать вы.

Джеймс чуть наклонил голову.

— Вам это не нравится?

— Я пока решаю.

— Вы быстро решаете.

— За это мне платят.

— Люди платят вам, чтобы вы решали, что с ними не так?

— Обычно они уже решили. Я помогаю придумать более дорогую формулировку.

Тишина продержалась несколько секунд. Джеймс не улыбнулся. Марк откинулся в кресле.

— Вы смотрели вчерашний эфир?

— Часть.

— И?

— Вы нравитесь людям.

— Это вас раздражает?

— Вас радует?

— Иногда.

— Когда они смеются или когда плачут?

Марк посмотрел на него внимательнее.

— Вы пришли обсуждать телевидение?

— Нет.

— Семью?

— Возможно.

— В анкете вы написали, что хотите понять, что один психолог сделал с вашей семьёй.

— Написал.

— Кто этот психолог?

— Пока не знаю.

— Тогда откуда уверенность, что он что-то сделал?

Джеймс перевёл взгляд на книжный шкаф.

— Люди редко меняются без причины.

— Люди постоянно меняются без причины, которую могут объяснить.

— Удобный ответ.

— У вас есть другой?

— Есть.

— Слушаю.

Джеймс посмотрел на него.

— Иногда человек приходит к терапевту за помощью. По-

том начинает говорить его словами, отдаляется от семьи, скрывает встречи, врёт. Потом происходит что-то, после чего семье предлагают принять официальную версию и жить дальше.

Марк не перебивал.

— Что произошло?

— Я ещё не решил, можно ли вам рассказать.

— Тогда вы зря заплатили.

— Вы всегда торопите пациентов?

— Только тех, кто приходит проверять меня вместо того, чтобы говорить о себе.

— А если проверка и есть причина визита?

— Тогда вы выбрали дорогой способ.

Джеймс перевёл взгляд на окно в двери. За матовым стеклом прошёл чей-то силуэт.

— Здесь записываются сессии?

— Нет.

— Совсем?

— Совсем.

— Камеры?

— В коридорах и общих зонах.

— Звук?

— Нет.

— Заметки храните электронно?

— Частично.

— Кто имеет доступ?

Марк положил планшет на стол.

— Вы выбираете терапевта или проводите аудит?

— Конфиденциальность важна.

— Обычно её обсуждают после того, как сообщают хотя бы одну правду.

— Я сообщил имя.

— Оно настоящее?

Джеймс задержал взгляд.

— Да.

— Адрес?

— Да.

— Работа?

— Иногда.

— Семейная травма?

— Настоящая.

— Прогресс.

Джеймс снова посмотрел на дверь.

— Кто ещё видит ваши заметки?

— Внутренняя система защищена. Доступ ограничен специалистом и административным руководителем в случаях, предусмотренных правилами центра.

— Доктор Хейл?

— В том числе.

— Он читает ваши записи?

— Нет.

— Но может?

— При юридической необходимости.

— Что считается необходимостью?

— Угроза жизни, судебный запрос, проверка качества, экстренная ситуация.

— А любопытство?

— Нет.

— Вы уверены?

Марк улыбнулся.

— Вы всегда задаёте один вопрос четыре раза?

— Пока не получу ответ.

— Вы получили.

— Я услышал слова.

— Тогда терапия будет долгой.

Джеймс посмотрел на часы на стене.

— У нас осталось сорок две минуты.

— Вы считаете?

— Привычка.

— Полезная для консультанта по безопасности.

— Иногда.

В коридоре снова появился силуэт. На этот раз дверь соседнего кабинета открылась, и через прозрачную часть стекла было видно Томаса. Он говорил с Кейт, держал папку под мышкой и что-то отмечал в телефоне. Джеймс замолчал. Марк заметил, как его пальцы сжались на подлокотнике.

Движение было коротким, почти незаметным. Томас поднял взгляд, увидел их через стекло и кивнул Марку. Потом

пошёл дальше. Джеймс проводил его глазами.

— Вы знакомы? — спросил Марк.

— Нет.

— Вы на него смотрели.

— Он прошёл мимо.

— Люди часто проходят мимо.

— Вы замечаете всех?

— Тех, кто перестаёт дышать.

Джеймс посмотрел на него.

— Я дышал.

— Хуже.

— Это диагноз?

— Пока наблюдение.

Марк снова взял планшет.

— Вы спрашивали про записи, доступ и доктора Хейла.

Теперь моя очередь. Кто пострадал?

Джеймс провёл языком по внутренней стороне щеки.

— Женщина.

— Жена?

— Нет.

— Мать?

— Нет.

— Сестра?

Он молчал чуть дольше. Марк это увидел.

— Сестра.

— Я не сказал.

— Не понадобилось.

— Вы гордитесь такими моментами?

— Иногда.

— Она умерла.

Марк перестал улыбаться.

— Когда?

— Давно.

— Сколько лет?

— Пятнадцать.

— Что указано в документах?

— Самоубийство.

— Вы не верите?

— А вы бы поверили?

— Я ничего о ней не знаю.

— Она проходила лечение.

— У кого?

— У психолога.

— Это мы уже установили.

Джеймс слегка усмехнулся, но глаза остались прежними.

— Вы правда такой всё время?

— Почти. Иногда сплю.

— Она изменилась после начала лечения.

— Как?

— Стала скрытной. Перестала отвечать. Защищала его.

— Психолога?

— Говорила, что он единственный её понимает.

— Это может означать многое.

— Потом начала бояться.

— Чего?

— Что он расскажет всем, будто она сумасшедшая.

Марк взял ручку.

— У неё был диагноз?

— Несколько.

— Какие?

— Зависело от того, какую страницу дела открывали.

— У вас есть документы?

— Были.

— Где они?

— Часть исчезла.

— После смерти?

— Да.

— Кто проводил расследование?

— Полиция. Лицензионная комиссия. Люди, которые очень быстро решили, что мёртвая женщина не сможет возразить.

Марк положил ручку.

— Что вы хотите от меня?

— Понять, как специалисты защищают друг друга.

— Вы пришли к психологу спросить, как специалисты скрывают нарушения?

— Я пришёл к человеку, который однажды уже писал заключения по чужим смертям.

В комнате стало тише. Марк смотрел на него.

— Вы изучали мою работу.

— Вы публичный человек.

— Мои старые экспертные заключения не лежат рядом с интервью о браке.

— Некоторые лежат.

— Какое дело вас интересует?

— Пока никакое.

— Вы снова врётё.

— Я ничего не сказал.

— Именно.

Джеймс поднялся и прошёл к книжному шкафу. Провёл пальцем по корешкам, остановился возле книги Марка «Комната без свидетелей».

— Хорошее название.

— Вы читали?

— Нет.

— Тогда откуда знаете?

— Людям нравится думать, что стены защищают разговор.

— А вам?

— Я знаю, что стены принадлежат тому, у кого есть ключ.

Марк посмотрел на дверь.

— Сядьте.

Джеймс вернулся в кресло.

— Вы всегда отдаёте приказы?

— Только когда пациент начинает изучать мой кабинет вместо себя.

— Может, ваш кабинет интереснее.

— Вы пришли сюда не лечиться.

— Возможно.

— Тогда зачем?

Джеймс наклонился вперёд.

— Вы когда-нибудь ошибались в человеке настолько сильно, что кто-то умер?

Марк выдержал его взгляд.

— Да.

На лице Джеймса впервые что-то изменилось.

— Кто?

— Люди умирают, Джеймс. Иногда после лечения. Иногда до того, как лечение успевает помочь. Иногда врач ошибается. Иногда семья опаздывает. Иногда никто не виноват, и это особенно бесит.

— Удобно.

— Это правда.

— Вы признавали ошибку?

— Когда она была моей.

— А когда чужой?

— Писал заключение.

Джеймс откинулся.

— Значит, до смертей мы всё-таки дошли.

— Вы привели нас сами.

— Вы помните все свои заключения?

— Нет.

— Удобно.

— Вы уже говорили.

— Значит, подходит.

Марк посмотрел на часы. Оставалось двенадцать минут.

— Вы хотите, чтобы я вспомнил конкретное дело.

— Возможно.

— Но не называете имя.

— Пока нет.

— Тогда первая консультация закончится выводом, что вы умны, контролируете каждое слово и считаете недоверие доказательством собственной правоты.

— Вы всегда так быстро ставите диагноз?

— Это не диагноз. Это жалоба.

— От вас?

— От любого, кто вынужден разговаривать с вами больше часа.

Джеймс почти улыбнулся. Почти.

— Вы всё превращаете в шутку, когда вам страшно?

Марк посмотрел на него поверх планшета.

— Нет. Иногда ещёставляю счёт.

— Скоро вам будет не до шуток.

Фраза прозвучала спокойно. Без угрозы в голосе, без нажима. Именно поэтому она легла в комнате тяжелее. Марк не отвёл глаз.

— Это вы сейчас как пациент или консультант по безопасности?

— Как человек, который привык предупреждать.

— О чём?

Джеймс встал.

— О том, что люди редко знают, кто сидит рядом с ними.

— Сессия ещё не закончена.

— Для меня закончена.

Он взялся за ручку двери.

— Джеймс.

Тот остановился.

— Вы спросили о докторе Хейле.

— Да.

— Почему?

Джеймс повернулся.

— Давно вы его знаете?

— Одиннадцать лет.

— Тогда вам уже поздно спрашивать рекомендации.

Он вышел. Марк остался в кресле. Через стекло было видно, как Джеймс проходит к лестнице.

Кейт подняла голову, сказала ему что-то, он ответил и не замедлил шаг. У двери появился Томас с папкой в руках. Джеймс увидел его. На секунду оба остановились. Томас вежливо отступил, освобождая проход. Джеймс прошёл мимо. Ни один из них не поздоровался. Томас посмотрел ему вслед, потом вошёл в кабинет Марка.

— Это Мерсер?

— Да.

— Как прошло?

Марк закрыл карту.

— Он считает, что стены принадлежат тому, у кого есть ключ.

Томас посмотрел на дверь.

— Философ.

— Очень.

— Записался ещё?

— Нет.

— Тогда хороший философ.

Марк поднялся и подошёл к окну. Джеймс вышел из центра, пересёк улицу и остановился возле чёрного автомобиля. Перед тем как открыть дверь, посмотрел на второй этаж. Прямо на окно кабинета.

— Он спрашивал о тебе, — сказал Марк.

— Все спрашивают обо мне. Потом встречаются тебя и разочаровываются.

— Он знает старые экспертные дела.

Томас положил папку на стол.

— Журналист?

— Не думаю.

— Родственник пациента?

— Возможно.

— Ты сегодня особенно точный.

Марк повернулся.

— Его сестра умерла пятнадцать лет назад. Официально самоубийство. Он уверен, что психолог что-то сделал.

— Имя назвал?

— Нет.

— Тогда у нас богатый выбор.

— Он смотрел на тебя.

Томас пожал плечами.

— Может, узнал с сайта.

— Он сказал, что мы не знаем, кто сидит рядом.

— Это угроза?

— Он назвал предупреждением.

Томас взял планшет и открыл карту Джеймса.

— Я сообщу охране.

— Пока нет.

— Марк.

— Он ничего не сделал.

— Он пришёл под ложным предлогом, расспрашивал о системе и закончил угрозой.

— Предупреждением.

— Разумеется.

Марк посмотрел в окно. Машина Джеймса всё ещё стояла на месте. Свет в салоне не загорался.

— Проверь его ещё раз.

— В пределах закона?

— Насколько ты способен.

Томас взял папку.

— Значит, в пределах закона.

Он вышел. Марк вернулся к столу и открыл карту Джеймса Мерсера. В поле «Содержание сессии» курсор мигал на пустой странице.

Он написал: Пациент демонстрирует выраженное недоверие, контролирует объём информации, задаёт вопросы о конфиденциальности и внутреннем доступе к данным. Сообщает о смерти сестры пятнадцать лет назад. Подозревает лечащего психолога в причастности. Имя специалиста не раскрывает.

Марк остановился. Добавил: Фраза в конце встречи может быть интерпретирована как угроза.

Прочитал и удалил последнее предложение. Написал: Требуется дополнительной оценки рисков.

Сохранил.

За окном чёрный автомобиль наконец тронулся с места и медленно поехал вдоль улицы. Марк смотрел ему вслед, пока задние фары не исчезли за поворотом.

На столе завибрировал телефон. Сообщение от Томаса: У Мерсера нет записей о сестре в открытых источниках. Проверять дальше.

Марк ответил: Он вернётся.

Томас написал: Ты уверен?

Марк посмотрел на закрытую дверь.

Такие всегда возвращаются.

Глава 3

Открытая дверь

На третий день после эфира фраза про осаду добралась до чашек, толстовок и рекламного объявления службы переездов. Кейт показала Марку фотографию экрана, едва он вошёл в центр.

— Они написали: «Если ваш дом стал осадой, мы вывезем вас за два часа».

— Быстро работают.

— Вы не злитесь?

— Я восхищён. Люди превратили домашнее насилие в скидку на грузовик раньше, чем я успел позавтракать.

— Томас уже связался с юристами.

— Конечно.

На стойке лежала картонная коробка с кружками. На каждой чёрными буквами было напечатано: ЕСЛИ ДВЕРЬ ПРИХОДИТСЯ ДЕРЖАТЬ ПЛЕЧОМ, ЭТО НЕ ДОМ. Ниже мелким шрифтом: DR. MARK WORTH Марк взял одну.

— Откуда?

— Прислал производитель. Хочет процент с продаж в обмен на разрешение использовать ваше имя.

— А если я не разрешу?

— Будет продавать без имени.

— Предприниматель.

Кейт протянула ему конверт.

— И ещё письмо.

— Угрозы?

— Благодарность.

— Жаль.

Письмо было написано от руки на линованной бумаге. Женщина из Канзаса рассказывала, что после эфира впервые ночевала у сестры. Три страницы о муже, который никогда её не бил, только запирали двери, забирал ключи и объяснял, что она слишком эмоциональна, чтобы водить машину.

Марк сложил письмо.

— Ответь ей.

— Что написать?

— Что она сделала правильно.

— От вашего имени?

— Нет, от имени службы доставки.

Кейт посмотрела на него.

— Вы иногда можете просто сказать нормальную вещь?

— Я только что сказал.

— Я запишу дату.

В коридоре его ждала девушка из местной газеты. Марк забыл, что согласился на интервью.

Она сидела в кресле, держала диктофон и выглядела лет на двадцать пять, хотя манера говорить выдавала человека,

который уже считает двадцатипятилетних детьми.

— Доктор Уорт, спасибо, что нашли время.

— Это Томас нашёл. Я оказался внутри.

— Интервью займёт пятнадцать минут.

— Значит, тридцать пять.

Она улыбнулась и включила диктофон. Первый вопрос был о популярности фразы. Второй — о границах. Третий — о том, не опасно ли известному психотерапевту давать советы людям, которых он не знает.

— Опасно, — сказал Марк.

Журналистка подняла глаза.

— Тогда зачем вы это делаете?

— Потому что вопрос уже задан. Молчание тоже становится ответом.

— Но вы можете ошибиться.

— Постоянно.

— Вас это не пугает?

— Пугает. Самоуверенность без страха обычно заканчивается либо политикой, либо подкастом.

Она записала что-то в блокнот.

— Некоторые специалисты считают, что ваши телевизионные ответы упрощают сложные ситуации.

— Некоторые специалисты считают, что зрители должны сначала пройти шестимесячную диагностику, потом получить разрешение на собственное мнение.

— Вы смеётесь над коллегами?

— Я вырос в семье. Это бесплатная подготовка.

— Вас часто критикуют за резкость.

— Меня ещё критикуют за дорогую консультацию и слишком светлые стены.

— И что вы отвечаете?

— Что стены выбрал Томас.

Она посмотрела в сторону лестницы.

— Ваш партнёр?

— Сооснователь центра.

— Вы давно работаете вместе?

— Десять лет.

— И доверяете друг другу?

— Нет. Мы просто подписали ипотеку на здание и выдали друг другу ключи.

Журналистка улыбнулась, но вопрос не отпустила.

— Правда доверяете?

— Томас знает пароль от моего рабочего компьютера, мой налоговый номер и дату, когда я впервые соврал жене, что уже выехал. Если это не доверие, то очень дорогая форма шантажа.

Она выключила диктофон через двадцать восемь минут.

— Последний вопрос. Вы когда-нибудь советовали человеку уйти, а потом жалели?

Марк посмотрел на неё.

— Я не советую уходить.

— В эфире это выглядело именно так.

— Я советую перестать называть угрозу отношениями. Что человек сделает дальше, решает он.

— А если после ваших слов случится что-то плохое?

— Тогда это будет не после моих слов. Это будет после всего, что происходило до них.

Журналистка замолчала. Марк понял, что ответ прозвучал слишком быстро.

— Напишите точнее, — добавил он. — Слова иногда ускоряют решение. Они не создают человека, который отбирает телефон, запирает дверь или поднимает руку.

Она снова включила диктофон.

— Это можно цитировать?

— Теперь уже придётся.

После интервью Марк поднялся к Томасу. Тот сидел перед двумя мониторами и разговаривал с юристом по поводу кружек.

— Нет, мы не будем подавать в суд на женщину из Орегона за двенадцать проданных футболок. Да. Даже если одна из них размера XXL.

Марк открыл шкаф и нашёл там кофе.

— Ты прячешь запасы.

Томас выключил микрофон.

— От тебя.

— Это враждебная рабочая среда.

— Интервью прошло?

— Она спросила, доверяю ли я тебе.

— И?

— Я сказал, что нет.

— Наконец-то честность.

Марк поставил чашку на стол.

— Мерсер звонил?

— Утром.

— Что хотел?

— Вторую встречу.

— Когда?

— Сегодня в шесть.

— У меня в шесть ужин.

— У тебя в шесть намерение поужинать. Это разные вещи.

— Ты впустил в мою жизнь человека, который угрожал мне, и украл ужин.

— Он не угрожал. Ты сам удалил эту формулировку из записи.

Марк выдержал паузу.

— Ты читал запись?

— Ты отметил риск. Система прислала уведомление.

— Это не приглашение читать.

— Я просмотрел техническую часть.

— Там вся запись техническая.

Томас откинулся.

— Хочешь, чтобы я не проверял пациентов, которых ты считаешь потенциально опасными?

— Хочу, чтобы ты сначала говорил.

— Говорю.

— После.

— Это экономит время.

Марк взял чашку.

— Что нашёл?

— Почти ничего. Джеймс Мерсер родился в Пенсильвании. Учился недолго, диплома нет.

Работал в частной охране, потом консультировал компании по внутренним рискам. Переезжал четыре раза за семь лет. Налоговые декларации подаёт. Долгов нет. Судимостей нет.

— Скучный.

— Слишком аккуратный.

— Ты сейчас описываешь себя.

— Поэтому и заметил.

— Сестра?

— Ни в официальных записях, ни в открытых источниках.

— Сводная?

— Возможно.

— Умерла под другой фамилией.

— Возможно.

— Ты специально отвечаешь моими словами?

— Может.

Марк ушёл с кофе. В двенадцать пришла Рэйчел. На ней не было кольца. Марк заметил сразу, но ничего не сказал.

Она села, положила сумку рядом и несколько секунд смотрела на пустой палец.

— Я ночую у сестры, — сказала она.

— Сколько ночей?

— Третью.

— Муж знает?

— Знает, что я не дома.

— Адрес?

— Нет.

— Уверены?

— Я проверила переписку. Адрес я писала только сестре, а потом удалила.

— Он мог восстановить?

— Не знаю.

— Машину забрали?

— Вчера. Сестра приехала с мужем.

— Ваш муж был там?

— Нет.

Она сказала это слишком быстро.

— Что произошло?

Рэйчел открыла сумку, достала телефон и положила на стол. На экране было двадцать семь пропущенных вызовов.

— Это за сегодня?

— С шести утра.

— Сообщения?

Она открыла переписку. Первые были спокойными: «Вер-

нись, поговорим». «Я всё понял». «Я запишусь к вашему терапевту». Потом: «Ты не можешь забирать мою дочь». «Ты разрушаешь семью». «Он внушил тебе эту чушь». Последнее сообщение пришло семь минут назад: «Я знаю, что ты сейчас у него». Марк поднял взгляд.

— Он знает ваше расписание?

— Я раньше отмечала встречи в общем календаре.

— Доступ закрыли?

— Вчера.

— Пароль изменили?

— Да.

— К электронной почте?

Она замолчала.

— Сейчас изменим.

Рэйчел взяла телефон, но не начала печатать.

— Я разговаривала с ним.

— Когда?

— Ночью.

— Зачем?

— У нас дочь.

— Это не ответ.

— Она хотела услышать его.

— Рэйчел.

— Он говорил нормально. Спросил, где она будет жить, как мы решим со школой. Потом попросил дать трубку ей.

— Дали?

— Да.

— Что сказал?

— Что любит её. Что мама сейчас запуталась. Что скоро всё будет как раньше.

Марк медленно выдохнул.

— Как дочь отреагировала?

— Плакала.

— На кого злилась?

— На меня.

— И вы решили вернуться?

Рэйчел подняла глаза.

— Откуда вы знаете?

— Вы пришли без кольца, но сидите так, будто сейчас объясните, почему снова его наденете.

Она потёрла палец.

— Он согласился на семейную терапию.

— Со мной?

— Да.

— Нет.

Рэйчел растерялась.

— Почему?

— Потому что я ваш терапевт. И потому что сейчас вы не в ситуации, где безопасно обсуждать отношения в одной комнате.

— Вы даже не встретились с ним.

— Он прочитал вашу переписку, требовал адрес кварти-

ры, контролирует календарь и использовал дочь, чтобы называть вас запутавшейся. Для первого знакомства достаточно.

— Он хочет измениться.

— Возможно.

— Тогда почему вы не дадите шанс?

— Я не выдаю шансы мужьям пациентов.

— Вы его уже осудили.

— Нет. Я отказался участвовать в разговоре, который даст ему доступ к тому, что вы рассказывали здесь.

Рэйчел встала.

— Я думала, вы помогаете семьям.

— Я помогаю людям.

— Он тоже человек.

— Тогда пусть найдёт собственного специалиста.

Она прошла к окну.

— Он сказал, что вы хотите сделать меня одной из тех женщин, которые потом всю жизнь обвиняют мужчин.

— Очень узкая специализация.

— Марк, пожалуйста.

— Вы хотите вернуться?

Рэйчел повернулась.

— Я хочу, чтобы всё перестало быть таким.

— Каким?

— Чтобы каждый выбор превращался в катастрофу.

— Тогда вам придётся перестать выбирать между его катастрофой и своей безопасностью.

— Вы опять говорите как в телевизоре.

— А вы опять разговариваете его словами.

Она вздрогнула. Марк сразу это увидел.

— Что он сказал дословно?

Рэйчел молчала.

— Рэйчел.

— Что вы сделали из нашей семьи телевизионную историю. Что теперь я повторяю ваши фразы и не думаю сама.

— Поэтому вы пришли снять их с себя?

— Я не знаю.

— Знаете.

Она села обратно.

— Я боюсь, что ошибаюсь.

— Ошибитесь в безопасном месте.

— А если он правда изменится?

— Тогда изменится и без вашего возвращения сегодня вечером.

— Он сказал, что не может спать.

— Вы тоже не спали.

— Он один.

— Вы были одна в этом браке давно.

Она закрыла глаза.

— Это жестоко.

— Да.

— Вам нравится говорить такие вещи?

— Иногда нравится, когда человек наконец перестаёт за-

щищать того, кто не находится в комнате.

Рэйчел открыла глаза.

— Он не всегда такой.

— Никто не всегда такой.

— Бывают хорошие дни.

— Я верю.

— Тогда почему вы говорите так, будто всё решено?

— Потому что квартиру сняли вы.

Она посмотрела на телефон. Новое сообщение: «Я стою возле центра. Выйди». Рэйчел побледнела. Марк взял телефон.

— Это он?

Она кивнула. Марк подошёл к окну. С второго этажа парковку было видно частично. У входа стояли три машины, дальше фургон доставки. Мужчины возле дверей не было. Он набрал внутренний номер.

— Кейт, закрой вход. Никого без записи не впускай.

— Что случилось?

— Муж Рэйчел может быть возле здания.

— Поняла.

Марк положил трубку и позвонил Томасу.

— Поднимись.

Томас вошёл через минуту. Не спросил, почему. Марк показал сообщение.

— Охрану вызываем? — спросил Томас.

— Да.

Рэйчел вскочила.

— Нет. Он взбесится.

Томас посмотрел на неё.

— Он уже стоит возле вашего терапевтического центра и требует выйти.

— Может, просто хочет поговорить.

— Тогда поговорит с охраной.

— Томас, — сказал Марк.

— Что?

— Мягче.

— Он не мой пациент.

Рэйчел взяла сумку.

— Я выйду через заднюю дверь.

— Нет, — сказали Марк и Томас одновременно.

Она посмотрела на обоих.

— Вы ведёте себя так, будто он преступник.

— Мы ведём себя так, будто не знаем, что он сделает, — ответил Томас.

Телефон снова завибрировал. «Я вижу твою машину». Марк показал Томасу. Тот вышел в коридор и кому-то позвонил. Рэйчел стояла посреди кабинета, обхватив себя руками.

— Он никогда меня не бил.

— Я помню, — сказал Марк.

— Он может кричать. Может бросить что-то. Один раз пробил дверь. Но меня не бил.

— Какую дверь?

— В ванной.

— Вы были внутри?

Она не ответила.

— Рэйчел.

— Да.

Марк сел на край стола.

— Вы раньше этого не рассказывали.

— Это было давно.

— Сколько?

— Полгода.

— Почему вы закрылись в ванной?

— Он забрал ключи. Я хотела уйти. Он сказал, что я не сяду за руль в таком состоянии. Я заперлась, чтобы позвонить сестре.

— Он пробил дверь?

— Кулаком.

— И что было дальше?

— Ничего.

— Дыра в двери была.

— Потом заменили.

— Кто?

— Он.

— Значит, ничего не осталось.

Рэйчел вытерла глаза.

— Вы сейчас специально делаете из него монстра.

— Я перечисляю то, что вы рассказали.

Томас вернулся.

— Охрана проверяет парковку. Мужчина уехал две минуты назад. Камеры записали машину.

— Это он? — спросил Марк.

Томас показал Рэйчел фотографию с экрана телефона. Она кивнула.

— Полиция? — спросил Томас.

— Нет, — сразу сказала она.

Марк посмотрел на неё.

— Мы хотя бы зафиксируем, что он приезжал.

— Он ничего не сделал.

— Он отслеживал вас.

— Он знал машину.

— И расписание.

— Марк, пожалуйста. У нас дочь. Если я обращусь в полицию, он будет использовать это против меня в суде.

— А если не обратитесь?

— Тогда мы сможем договориться.

Томас прислонился к шкафу. Молчал, но лицо у него стало тем самым, с которым он обычно слушал людей, объясняющих, почему договор можно подписать потом. Марк вернул Рэйчел телефон.

— Сегодня вас заберёт сестра.

— Она на работе.

— Тогда её муж. Подруга. Такси до места, которое муж

не знает.

— Я не буду прятаться всю жизнь.

— Сегодня.

— Вы не можете мной командовать.

— Не могу.

Она ждала.

— Но вы пришли сюда, Рэйчел. Значит, какая-то часть вас всё ещё хочет, чтобы рядом был человек, который не позволит назвать пробитую дверь плохим настроением.

В кабинете стало тихо. Рэйчел села.

— Сестра сможет через час.

— Хорошо.

Томас вышел, чтобы предупредить охрану. Рэйчел посмотрела ему вслед.

— Он всегда такой?

— Практичный?

— Холодный.

— Томас не тратит тепло там, где нужен замок.

— Вы ему доверяете?

— Больше, чем себе в вопросах дверей.

Она слабо улыбнулась. К концу встречи они составили простой план: новый номер телефона, отдельная почта, разговор с адвокатом, школа, танцевальная студия, список людей, которым запрещено сообщать адрес. Рэйчел записывала всё в блокнот. У двери она остановилась.

— Вы правда не будете встречаться с ним?

— Нет.

— Даже если он попросит?

— Особенно если попросит.

— Он скажет, что вы боитесь услышать его сторону.

— Я переживу.

— А я?

Марк выдержал паузу.

— Вы уже переживали хуже.

Она ушла через внутренний коридор в комнату для персонала. Томас организовал, чтобы сестра подъехала к служебному входу. Через двадцать минут Марк увидел из окна, как Рэйчел садится в серую машину. Рядом стоял охранник. Машина уехала. Томас появился за его спиной.

— Отметку о риске обновил?

— Сейчас.

— Нужно ограничить доступ к её расписанию.

— Сделай.

— Уже.

Марк повернулся.

— Ты иногда невероятно раздражаешь.

— Зато заранее.

— Муж может вернуться.

— Охрана предупреждена. Камеры работают.

— Слишком много камер для места, где люди рассказывают секреты.

— Камеры не в кабинетах.

— Пока.

Томас посмотрел на него.

— Это шутка?

— Теперь не уверен.

— Хорошо. Значит, эфир всё-таки принёс пользу.

Марк сел за стол и открыл карту Рэйчел. Написал: «Супруг отслеживал местоположение, прибыл к центру без договорённости, требовал выйти. Ранее повреждал дверь помещения, где

находилась пациентка. Рекомендована консультация юриста и фиксация инцидента. Пациентка отказалась от обращения в полицию». Он остановился. Добавил: «Риск эскалации высокий».

Сохранил. Вечером Нора ждала его в ресторане возле парка. Он опоздал на двадцать минут. Она сидела за столиком у окна, перед ней стоял бокал воды и лежал телефон экраном вниз.

— Не говори, что спасал семью, — сказала она.

— Я спасал дверь.

— Ещё хуже.

Марк снял пальто.

— У пациентки муж приехал к центру.

— Полиция?

— Она отказалась.

— И ты остался.

— Да.

— Можно было написать.

— Можно.

— Но ты не написал.

— Нет.

Нора посмотрела на него.

— Ты умеешь говорить людям, что нужно делать в опасной ситуации. Удивительно, как быстро исчезает этот талант перед сообщением жене из трёх слов.

— Какие три слова?

— «Я задержусь, прости».

— Это два с половиной.

— Марк.

Он поднял ладони.

— Прости.

Официант положил меню. Нора даже не открыла.

— Зои расстроена.

— Из-за презентации?

— Из-за того, что ты обещал прийти на репетицию.

— Она завтра.

— Репетиция сегодня.

Марк закрыл глаза.

— Я забыл.

— Да.

— Напишу ей.

— Не лечи это сообщением.

— Я приеду и поговорю.

— Она уже спит к десяти.

— Тогда утром.

Нора открыла меню.

— Ты всегда переносишь людей на ближайшее свободное окно.

— Это моя работа.

— Мы не пациенты.

— Я знаю.

— Иногда не похоже.

Он посмотрел на неё.

— Я не могу выйти из сессии, когда человек в опасности.

— Я не просила.

— Тогда о чём мы спорим?

Нора закрыла меню.

— О том, что у тебя каждый день находится человек, чья жизнь важнее ужина, репетиции, разговора, обещания. И каждый раз это правда. Очень удобно спорить с правдой.

— Ты хочешь, чтобы я выбирал вас вместо пациента?

— Я хочу иногда не участвовать в соревновании, о котором нас никто не предупредил.

Марк откинулся.

— Это нечестно.

— Вот теперь ты звучишь как муж из твоей передачи.

Он усмехнулся, но Нора не улыбнулась.

— Не делай так.

— Как?

— Не превращай всё в шутку, когда тебе не нравится ответ.

Официант подошёл, увидел их лица и сказал, что вернётся позже. Марк провёл пальцем по краю стола.

— Хорошо.

— Что хорошо?

— Я услышал.

— Это ещё не действие.

— Ты сегодня особенно профессиональна.

Нора вздохнула.

— С тобой иначе нельзя.

Они заказали еду. Разговор постепенно ушёл к школе Зои, проекту Нору и статье, где Марка назвали «самым опасным психотерапевтом дневного телевидения». Нора показала заголовки.

— Тебе понравится.

— Уже.

— Автор пишет, что твои фразы обладают соблазнительной простотой.

— Слово «соблазнительной» оставим.

— И что ты продаёшь людям иллюзию ясности.

— Это хуже.

— Потому что похоже на правду?

— Потому что плохо продаётся на кружках.

Домой они вернулись после десяти. Свет в комнате Зои ещё горел. Марк постучал.

— Можно?

— Уже вошёл.

Зои сидела на кровати с ноутбуком.

— Мама сказала, я пропустил репетицию.

— Ты пропустил.

— Покажешь сейчас?

— Завтра в школе.

— Тогда утром.

— У меня автобус.

— Я отвезу.

Она посмотрела на него.

— Ты всегда так говоришь.

— Завтра отвезу.

— У тебя пациенты.

— Первый в девять.

— И Томас позвонит в семь сорок и скажет, что горит центр.

— Тогда повезу тебя к горящему центру. Будет практическая часть проекта.

Зои улыбнулась.

— Ты видел статью?

— Про опасного психотерапевта?

— Там написано, что ты слишком уверен.

— Клевета.

— Ты правда уверен, что правильно советовал той женщине?

— Какой?

— В шоу.

— Я не советовал.

— Ты сказал, что ей опасно идти домой.

— Потому что она описала опасную ситуацию.

— А если ты ошибся?

Марк сел на край кровати.

— Тогда она проведёт ночь в безопасности и утром решит, что делать.

— А если не ошибся?

— Тогда хорошо, что она услышала.

Зои закрыла ноутбук.

— Ты знаешь, что всегда отвечаешь так, будто уже прошёл этот разговор заранее?

— Профессиональная деформация.

— Это бесит.

— Семейная наследственность.

— Мамина?

— Разумеется.

На следующий день Джеймс пришёл на десять минут раньше. Кейт позвонила Марку.

— Мерсер здесь.

— У него встреча в шесть.

— Знает. Говорит, хотел оставить документы.

— Какие?

— Не показывает.

Марк спустился. Джеймс стоял у стойки с тонкой папкой в руке. На нём была та же чёрная куртка, застёгнутая до горла.

— Вы решили принести правду в бумажном виде? — спросил Марк.

— Пока только вопросы.

— До шести ещё девять часов.

— Я умею считать.

— Я заметил.

Джеймс положил папку на стойку.

— Передайте мне вечером.

— Почему не сейчас?

— Хочу понять, кто её откроет до встречи.

Кейт подняла глаза. Марк взял папку.

— Вы считаете, мы роемся в вещах пациентов?

— Я считаю, люди делают то, что им удобно.

— Тогда заберите с собой.

— Оставлю.

— Зачем?

— Проверка.

Марк посмотрел на папку. Она была заклеена тонкой полоской прозрачной ленты.

— Вы пришли в терапевтический центр ставить ловушки?

— Вы сами сказали, что не доверяете людям без проверки.

— Я такого не говорил.

— По телевизору говорили.

— Телевидение опять разрушает мою практику.

Джеймс перевёл взгляд на лестницу. Томас спускался, разговаривая по телефону. Увидел Джеймса, закончил звонок и подошёл.

— Доброе утро.

Джеймс ничего не ответил. Марк взял папку со стойки.

— Томас, это Джеймс Мерсер.

— Мы видели друг друга.

— Видели, — сказал Джеймс.

Томас протянул руку. Джеймс посмотрел на неё и не по-
жал. Кейт притихла. Томас спокойно опустил руку.

— Ваша встреча вечером.

— Я знаю.

— Тогда до вечера.

Джеймс посмотрел ему в лицо.

— Мы раньше встречались?

— Не думаю.

— Вы часто так отвечаете?

— Когда не помню человека.

— Удобно.

Марк вмешался:

— Джеймс.

— Что?

— Вы оставили папку.

— Передайте её лично себе.

Он вышел. Томас проводил его взглядом.

— Очаровательный.

— Ты его не знаешь?

— Нет.

— Он тебя изучает.

— После вчерашнего эфира тебя изучает полстраны.

— Он смотрит не на меня.

Томас взял папку из рук Марка, перевернул.

— Открывать?

— Нет.

— Тогда зачем принёс?

— Проверяет, кто откроет.

— Откроем и скажем, что это была проверка.

Марк забрал папку.

— Не трогай.

— Я уже тронул.

— Буквально опасный человек.

Он отнёс папку в кабинет и положил в нижний ящик стола. В шесть Джеймс не пришёл. В шесть десять Марк позвонил Кейт.

— Мерсер?

— Нет.

— Сообщал?

— Нет.

В шесть двадцать он открыл папку. Лента осталась целой до того момента, когда Марк снял её ногтем. Внутри лежали три листа. Первый — копия старой газетной статьи о

закрытии частной психиатрической клиники в другом штате. Статья была пятнадцатилетней давности. В ней говорилось о смерти пациентки, проверке лицензионной комиссии и нескольких нарушениях документации. Имя погибшей было закрашено чёрным маркером. Имя психолога тоже. Второй лист — фотография плохого качества. Группа людей возле здания клиники. Пять мужчин, четыре женщины. Лица расплывались. На обороте было написано: «Кого из них вы помните?» Третий лист был пустым. Марк перевернул его. На обратной стороне стояла одна фраза: «Люди забывают лица. Руки запоминают лучше». Марк снова посмотрел на фотографию. У одного мужчины в заднем ряду рука лежала на папке. Большой палец прижат к краю, остальные пальцы спрятаны под обложкой. Марк ничего не почувствовал. Просто задержал взгляд дольше. В дверь постучали.

Томас вошёл.

— Он не пришёл?

— Нет.

— Что в папке?

Марк показал статью. Томас прочитал заголовок.

— И?

— Старое дело. Клиника. Умершая пациентка.

— Имя?

— Закрашено.

Томас взял фотографию.

— Качество ужасное.

— Он спрашивает, кого я помню.

— Помнишь?

— Нет.

Томас перевернул снимок, прочитал надпись и усмехнулся.

— Руки?

— Видимо.

— У человека странные увлечения.

Он положил фотографию на стол.

— Позвони ему.

— Не отвечает.

— Сообщить полиции?

— За старую статью?

— За угрозу, слежку и попытку втянуть тебя в чужое расследование.

— Он ещё ничего не сделал.

— Ты любишь ждать, пока люди сделают достаточно.

Марк посмотрел на него.

— Что это значит?

— Рэйчел вчера.

— Это другое.

— Конечно.

Томас вышел. Через несколько минут Кейт сообщила, что Джеймс только что вошёл через служебный вход. Марк спустился. Джеймс стоял в конце коридора возле двери архива. Ручка была опущена.

— Заблудились? — спросил Марк.

Джеймс отпустил дверь.

— Искал туалет.

— Он с другой стороны.

— Теперь знаю.

— Служебный вход тоже перепутали?

— Главная дверь была закрыта.

— Она открыта до семи.

— Значит, дёрнул не ту.

Марк подошёл ближе.

— Зачем вы принесли статью?

— Вспомнили?

— Нет.

— Посмотрите внимательнее.

— Вы закрасили имена.

— Иначе было бы слишком просто.

— Это терапия или детская игра?

— Вы не любите, когда вопросы задают вам.

— Я не люблю, когда люди лезут к архиву и называют это

поиском туалета.

Джеймс посмотрел на дверь.

— Хороший замок.

— Вы консультант.

— Иногда.

— Встреча закончена.

— Она не начиналась.

— Тем более.

Джеймс сделал шаг к нему.

— Вы действительно не помните это дело?

— Я видел сотни дел.

— Там умерла женщина.

— В большинстве дел, которые я читал, кто-то умер.

— Удобная профессия. Трупов много, память одна.

— Назовите имя.

Джеймс молчал.

— Вы хотите, чтобы я угадал?

— Хочу увидеть, когда вы соврётё.

— Тогда придётся дать мне хоть один факт.

— Психолог сделал её своей пациенткой. Потом сделал любовницей. Потом сделал сумасшедшей. После смерти.

Марк смотрел на него.

— У вас есть доказательства?

— Были.

— Где?

— Исчезли.

— Конечно.

Джеймс усмехнулся.

— Вы уже выбрали сторону.

— Я выбрал документы.

— Документы писал он.

— Кто?

— Вы знаете.

— Нет.

— Тогда спросите друга.

Марк схватил его за локоть, когда Джеймс попытался пройти мимо. Джеймс мгновенно развернулся. Движение было быстрым и точным. Его ладонь легла на запястье Марка, пальцы сжались. Они остановились почти вплотную.

— Уберите руку, — сказал Марк.

Джеймс отпустил.

— Не трогайте меня.

— Не ходите по служебным помещениям.

— Договорились.

Томас появился в начале коридора.

— Всё нормально?

— Прекрасно, — сказал Марк.

Джеймс посмотрел на Томаса.

— Доктор Хейл.

— Мистер Мерсер.

— Вы не спросили, откуда я знаю ваше имя.

— Оно написано на фасаде.

— Разумно.

— Я стараюсь.

Джеймс прошёл мимо него и вышел через главный вход. Томас подошёл к Марку.

— Ты его трогал?

— За локоть.

— Зачем?

— Он шёл к архиву.

— Камеры записали.

— Отлично.

— Марк.

— Что?

— Позвони Брукс.

— Какой Брукс?

— Следователь, с которой мы работали по делу угроз два года назад.

— Он ничего не сделал.

— Он проник через служебный вход.

— Дверь была открыта.

— Поэтому я десять лет прошу поставить код.

Марк посмотрел на закрывшуюся дверь.

— Он хочет, чтобы я вспомнил старое дело.

— Тогда пусть подаст запрос.

— Говорит, терапевт спал с пациенткой, потом выставил её сумасшедшей.

— И ты удивлён?

— Он сказал спросить друга.

Томас на секунду замолчал.

— Меня?

— Видимо.

— Может, потому что я отвечаю за архив.

— Там дело пятнадцатилетней давности. До центра.

— Тогда он просто пытается поссорить нас.

— Зачем?

— Ты терапевт.

— Удобно.

— Очень.

Вечером Марк поехал домой раньше девяти. Нора встретила его вопросом:

— Зои отвёз?

— Утром.

— И?

— Я был великолепен.

Из комнаты Зои донеслось:

— Он всю дорогу критиковал презентацию.

— Я улучшал.

— Ты убрал половину текста.

— Половина была лишней.

Нора посмотрела на него.

— Значит, день удался.

— Пациент полез к архиву.

— Какой?

— Новый.

— Тот странный?

— Почему странный?

— Ты вчера трижды открыл его анкету за ужином.

— Это профессиональный интерес.

— Так обычно называют тревогу мужчины с дипломом.

Марк снял пиджак.

— Он принёс старое дело и хочет, чтобы я вспомнил психолога.

— Помнишь?

— Нет.

— Тогда в чём проблема?

— Он уверен, что я вру.

— Ты врёшь?

— Спасибо за доверие.

— Ты иногда не помнишь, что обещал дочери утром. Пятнадцатилетнее дело я бы простила.

Марк достал фотографию из папки и положил на кухонный остров. Нора посмотрела.

— Кто это?

— Не знаю.

— Очень качественное расследование.

— Он сказал смотреть на руки.

— Психопатичная версия «Где Уолли».

Зои вышла из комнаты.

— Покажите.

Марк накрыл фотографию ладонью.

— Нет.

— Почему?

— Старое дело.

— Там труп?

— На фотографии нет.

— Тогда почему нельзя?

— Потому что я сказал.

Зои закатила глаза и ушла. Нора взяла снимок.

— Этот мужчина держит папку так же, как Томас.

Марк посмотрел на неё.

— Как?

— Большой палец сверху. Томас всегда так держит чертежи, когда приходит к нам.

— Многие так держат.

— Наверное.

Она вернула фотографию.

— Ты поэтому нервничаешь?

— Я не нервничаю.

— Тогда перестань складывать салфетку в квадрат.

Марк посмотрел на свои руки. Салфетка действительно была сложена четыре раза.

— Это геометрия.

— Конечно.

Ночью он снова открыл статью. Внизу мелким шрифтом было указано название клиники: «Лейквью». Город — в трёх часах езды от Беллвуда. Он ввёл название в поиск. Клиника закрылась четырнадцать лет назад после отзыва лицензии у ведущего специалиста. Страницы с архивными публикациями почти не открывались. Несколько ссылок вели на удалённые материалы. Марк нашёл одну фотографию. То же здание. Другая группа сотрудников. Имен не было. Телефон завибрировал. Неизвестный номер. Сообщение: «Вы посмот-

рели на руки?» Марк набрал: «Джеймс?» Ответ: «Давно вы знаете Томаса Хейла?» Марк положил телефон на стол. Через минуту пришло ещё одно: «Спросите, где он работал до знакомства с вами». Марк не ответил.

Утром Томас уже знал.

— Он написал тебе ночью?

— Откуда ты знаешь?

— Ты прислал скриншот в два семнадцать.

Марк посмотрел на телефон.

— Не помню.

— Очень убедительно для человека, которого проверяют на память.

Они стояли возле кофейного автомата. Кейт спорила с поставщиком, в холле играла тихая музыка.

— Где ты работал до знакомства со мной? — спросил Марк.

Томас поднёс чашку к губам.

— В клинике Миллер.

— До неё?

— В центре Риверсайд.

— До?

— Марк.

— Что?

— Я присылал биографию, когда мы открывали центр.

— Её читал ты.

— И юристы.

— Значит, всё правда.

Томас поставил чашку.

— Ты серьёзно?

— Нет.

— Хорошо.

— Ты работал в Лейквью?

На лице Томаса ничего не изменилось.

— Нет.

— Слышал?

— Возможно. Частная клиника, закрылась после скандала.

— Пациентка умерла.

— В клиниках иногда умирают пациенты.

Марк вспомнил слова Джеймса.

— Ты знаешь дело?

— Нет. Читал новости. Пятнадцать лет назад это обсуждали в профессиональной среде.

— Имя психолога?

— Не помню.

— Удобно.

Томас посмотрел на него.

— Теперь ты говоришь как Мерсер.

— Он заразный.

— Передай его другому специалисту.

— Он не пришёл лечиться.

— Тогда откажи.

— Ещё одна встреча.

— Зачем?

— Хочу понять, что он знает.

— Это уже не терапия.

— Я заметил.

Томас взял чашку.

— И ещё. Сегодня утром возле служебного входа нашли царапины на замке.

— Старые?

— Нет.

— Камеры?

— Мёртвая зона.

— У нас есть мёртвая зона?

— Уже нет. Поставлю ещё одну камеру.

— Джеймс?

— Не знаю.

— Машина?

— Камера на парковке видела чёрный седан ночью.

— Номер?

— Размыт.

Марк посмотрел на дверь.

— Он говорил, что стены принадлежат тому, у кого есть ключ.

— Значит, купим лучшие замки.

Днём Рэйчел не пришла. За десять минут до встречи прислала сообщение: «Сегодня не смогу».

Всё нормально». Марк позвонил. Она не ответила. Через полчаса перезвонила сама. Голос был спокойный.

— Простите. Я забыла отменить.

— Где вы?

— В квартире.

— Сестра рядом?

— Нет.

— Муж?

Пауза.

— Мы поговорили.

Марк закрыл дверь кабинета.

— Он у вас?

— Уже ушёл.

— Как нашёл адрес?

— Я сама сказала.

— Почему?

— У нас дочь. Мы не можем всё решать через адвокатов.

— Что произошло?

— Ничего. Разговаривали.

— Он кричал?

— Нет.

— Забрал телефон?

— Нет.

— Угрожал?

— Нет.

— Ключ получил?

Рэйчел молчала.

— Рэйчел.

— Я дала запасной.

Марк встал.

— Зачем?

— Квартира наполовину оплачена нашими деньгами.

— Вы сняли её на себя.

— Но деньги общие.

— Смените замок.

— Марк.

— Сегодня.

— Вы не слышите. Он был спокойный.

— Человек может быть спокойным, пока получает доступ.

— Он сказал, что больше не будет приходить без разре-

шения.

— После того как получил ключ?

Она выдохнула.

— Я не могу разговаривать, когда вы так.

— Как?

— Как будто уже знаете конец.

Марк посмотрел в окно.

— Я не знаю конец.

— Тогда дайте мне шанс разобраться самой.

— Хорошо.

Слово вышло тяжело. Рэйчел замолчала.

— Хорошо? — переспросила она.

— Вы взрослая. Решение ваше.

— Вы злитесь.

— Да.

— Это непрофессионально.

— Иногда я удивляюсь, зачем вы платите мне, если муж уже объяснил, как я должен работать.

— Не начинайте.

— Я не начинаю. Позвоните сестре.

— Позже.

— Сейчас.

— Мне надо забрать дочь.

— Пусть сестра заберёт.

— Я заберу сама.

— Где муж?

— Не знаю.

— Узнайте.

— До свидания, Марк.

Она отключилась. Марк стоял с телефоном в руке. Через минуту набрал снова. Гудки. Потом голосовая почта.

Он написал: Подтвердите вечером, что вы в безопасности.

Сообщение осталось непрочитанным.

В шесть Томас зашёл в кабинет.

— Домой?

— Жду ответа.

— От кого?

— Рэйчел.

— Что случилось?

Марк рассказал. Томас слушал, не перебивая.

— Позвони сестре, — сказал он.

— Конфиденциальность.

— Ты указал её экстренным контактом?

— Нет.

— Тогда не можешь.

— Знаю.

— Полиция?

— На основании ключа?

— На основании истории.

— Она просила не вмешиваться.

Томас сел напротив.

— Ты не можешь удержать пациента в решении.

— Знаю.

— И не можешь отвечать за то, что он сделает после кабинета.

— Знаю.

— Тогда перестань говорить это так, будто надеешься убедить себя.

Марк посмотрел на телефон.

— Она сказала, что я не слышу.

— Пациенты часто так говорят, когда ты слышишь слишком хорошо.

— Очень утешительно.

— Я не утешаю.

Телефон завибрировал. Сообщение от Рэйчел: «Всё хорошо. Я с дочерью. Поговорим на следующей неделе». Марк показал Томасу.

— Видишь?

— Вижу сообщение.

— Ты специально?

— Всегда.

Марк ответил: Хорошо. Если что-то изменится, звоните в любое время.

Рэйчел поставила реакцию сердцем.

Через два дня Джеймс снова появился возле центра. На этот раз не вошёл. Марк увидел его из окна кабинета. Он стоял через улицу, возле закрытого книжного магазина, и смотрел на служебный вход. Марк спустился и вышел.

— Вам нравится этот район?

Джеймс не вздрогнул.

— Спокойный.

— Для консультанта по безопасности вы слишком заметный.

— Для психотерапевта вы слишком часто выходите к людям без записи.

— Зачем вы здесь?

— Жду.

— Кого?

— Посмотрим.

— Томаса?

Джеймс перевёл взгляд на него.

— Вы спросили?

— Спросил.

— И?

— Не работал в Лейквью.

— Вы поверили?

— Да.

— Быстро.

— Одиннадцать лет.

— Это не доказательство.

— Для нормальных людей близко.

Джеймс посмотрел на окна второго этажа.

— Нормальные люди тоже ошибаются.

— Назовите имя сестры.

— Нет.

— Тогда перестаньте приходить.

— Боитесь?

— Вы скучный преследователь. Всё время одни вопросы.

— Скоро будет ответ.

— Это опять угроза?

— Наблюдение.

Джеймс ушёл к машине. Марк запомнил номер. Вечером

Томас проверил. Машина была арендована.

— На имя Мерсера? — спросил Марк.

— Нет. На компанию.

— Какую?

— Закрылась год назад.

— Прекрасно.

— Теперь Брукс?

— Ещё нет.

— Ты ждёшь труп?

Марк потёр подбородок.

— Что за формулировка?

— Практичная.

— Не говори так.

Томас поднял руки.

— Хорошо.

В субботу Марк остался дома. Нора заставила его убрать телефон в кухонный ящик. Зои репетировала презентацию в гостиной, Марк сидел на диване и молчал первые четыре минуты, что семья позже назвала историческим достижением. После презентации он хлопнул.

— Отлично.

— Только отлично?

— Хочешь правду?

— Нет. Хочу, чтобы ты сказал отлично.

— Отлично.

Нора принесла чай.

— Учишься.

— Медленно.

Телефон завибрировал в ящике. Все трое посмотрели на него.

— Не трогай, — сказала Нора.

Он не тронул. Через минуту телефон завибрировал снова. Потом ещё раз. Зои вздохнула.

— Возьми уже. Ты всё равно сейчас умрёшь у нас на глазах.

Марк открыл ящик. Три пропущенных от неизвестного номера. Сообщение от Кейт: «Вас ищет полиция. Я дала домашний номер?» Не успел ответить, как телефон зазвонил снова.

— Марк Уорт.

Женский голос:

— Доктор Уорт? Меня зовут Лена Брукс. Я из полиции Беллвуда.

Марк встал. Нора сразу поняла по его лицу.

— Что произошло? — спросил он.

— Вы лечили Рэйчел Форд?

Марк посмотрел на окно. За стеклом был обычный субботний день. Сосед мыл машину.

Девочка в розовой куртке ехала на велосипеде. Где-то лаяла собака.

— Да.

— Когда вы видели её в последний раз?

— Во вторник. Потом разговаривали по телефону в четверг.

— О чём?

— Почему вы спрашиваете?

На другом конце наступила короткая пауза.

— Сегодня утром Рэйчел Форд нашли мёртвой в её квартире.

Марк не сразу понял слова. Нора подошла ближе.

— Доктор Уорт?

— Я здесь.

— Нам нужно поговорить с вами как можно скорее.

— Что случилось?

— Мы пока устанавливаем обстоятельства.

— Муж?

— Его опрашивают.

— Дочь?

— С родственниками.

Марк закрыл глаза. Перед ним возникло сообщение: «Всё хорошо. Я с дочерью». Сердце под его ответом.

— Где вы? — спросил он.

— В квартире миссис Форд.

— Адрес.

— Доктор, вам не следует приезжать.

— Адрес у меня есть.

— Оставайтесь дома. Следователь приедет к вам.

Марк отключился. Нора взяла его за руку.

— Что?

Он посмотрел на неё.

— Рэйчел умерла.

Зои стояла у дивана с ноутбуком в руках.

— Та женщина из передачи?

— Нет. Пациентка.

Телефон снова завибрировал. Сообщение от Томаса: «Мне позвонила полиция. Я еду в центр.

Не разговаривай ни с кем без меня». Следом пришло другое сообщение. Неизвестный номер.

Фотография. Дверь квартиры. Полицейская лента. Люди возле входа. Внизу подпись: «Вы всё ещё думаете, что смотрите на того человека?» Марк набрал номер. Абонент был недоступен. Он увеличил фотографию. Снимок сделали с другой стороны улицы, из-за припаркованной машины.

В левом нижнем углу была видна часть чёрного капота. Та же машина, на которой приезжал Джеймс. Марк уже собирался переслать фотографию Томасу, когда заметил ещё одну деталь. На двери квартиры белел лист бумаги. Текст с такого расстояния разобрать было невозможно. Через

полчаса Брукс показала ему фотографию крупным планом. Лист лежал рядом с телом Рэйчел. На нём было написано: ЕЙ БОЛЬШЕ НЕ НУЖНО ДЕРЖАТЬ ДВЕРЬ.

Глава 4

Осада окончена

Лена Брукс держала фотографию двумя пальцами, будто бумага могла оставить следы и на ней.

— Вы понимаете, что это значит?

Марк смотрел на четыре слова. ЕЙ БОЛЬШЕ НЕ НУЖНО ДЕРЖАТЬ ДВЕРЬ. Буквы были напечатаны на обычном белом листе. Без подписи. Без рисунков. Без крови, размазанной по стене для убедительности. Кто-то выбрал шрифт, нажал кнопку печати, положил лист возле мёртвой женщины и ушёл.

— Доктор Уорт?

— Да.

— Что именно?

— Фразу.

— Вы её раньше видели?

— Нет.

— Слышали?

Марк поднял взгляд. Брукс сидела напротив в гостиной Уортов. На журнальном столике лежали блокнот, телефон, тонкая папка и чашка кофе, к которой она не притронулась. Ей было около сорока. Тёмные волосы собраны на затылке,

серый пиджак расстёгнут, на левом рукаве след от дождя. Говорила она спокойно, без полицейской важности. От этого каждый вопрос звучал хуже. Нора сидела на другом конце дивана. Зои отправили наверх, хотя Марк слышал, как она ходит возле лестницы.

— Фраза связана с тем, что Рэйчел рассказывала на терапии, — сказал он.

Брукс посмотрела в блокнот.

— Конкретнее.

— Она описывала отношения как состояние, в котором постоянно приходится защищаться.

Следить за словами, настроением мужа, его реакцией.

— И вы сказали ей про дверь?

— Я говорил похожую фразу в эфире.

— В пятницу.

— Да.

— Рэйчел видела передачу?

— Видела.

— После этого обсуждала фразу с вами?

— Да.

Брукс записала несколько слов.

— Что именно вы сказали?

Марк посмотрел на Нору. Она сидела неподвижно, сцепив пальцы.

— Если дверь приходится держать плечом, это уже не дом. Это осада.

Брукс подняла глаза.

— Это было сказано публично.

— Да.

— Тогда записку мог написать любой зритель.

— Мог.

— Но вы сразу связали её с терапией.

— Потому что Рэйчел повторяла эту фразу на сессии.

— Кто ещё знал?

— Её муж. Он смотрел эфир и говорил с ней об этом.

— Кто ещё?

— Сестра, возможно.

— Сотрудники центра?

— Содержание сессий не обсуждают в коридоре.

— Я спросила не об этом.

Марк провёл ладонью по колену.

— В карте есть короткая запись.

— С этой фразой?

— Нет. Там указано, что она планировала временно уйти

и что супруг контролировал её.

— Кто имеет доступ к карте?

— Я.

— Только вы?

— Административный доступ есть у руководства в определённых случаях.

— У доктора Хейла?

— Да.

— Он открывал карту?

— Не знаю.

— Вы не можете посмотреть?

— Есть журнал входов.

— Нам понадобится.

— Томас уже едет в центр.

Брукс перестала писать.

— Он узнал о смерти раньше вас?

— Полиция позвонила ему.

— Почему?

— Он сооснователь центра. Вероятно, нашли визитку или данные.

— Нашли визитку доктора Уорта, — сказала Брукс. — Номер центра был в телефоне миссис Форд. Доктору Хейлу позвонил один из наших сотрудников после того, как администратор подтвердил, что погибшая проходила лечение.

— Значит, почти одновременно.

— Возможно.

Марк снова посмотрел на фотографию. Рэйчел не было видно. Только край пола, ножка стола и белый лист.

— Как она умерла?

Брукс убрала фотографию в папку.

— Я пока не могу обсуждать детали.

— Вы спрашиваете содержание терапии, но не говорите, что с ней произошло.

— Я устанавливаю, кто мог знать её адрес, состояние и

планы.

— Я тоже хочу это установить.

— Тогда отвечайте на вопросы.

Нора повернула голову к Марку.

— Отвечай.

Он посмотрел на жену.

— Я отвечаю.

— Нет. Ты споришь.

Брукс подождала, пока он снова повернётся.

— Последний контакт с миссис Форд.

— В четверг по телефону.

— Она сообщила, что встретилась с мужем.

— Да.

— Вы были против?

— Я рекомендовал не давать ему ключ от квартиры.

— Она дала?

— Да.

— Что ещё сказала?

— Что он был спокойным. Что они поговорили. Что собирается забрать дочь.

— Вы слышали кого-то рядом?

— Нет.

— Она звучала испуганно?

— Скорее защищалась.

— От вас?

— От того, что уже решила.

Брукс записала.

— Вы пытались связаться после разговора?

— Написал сообщение.

— Покажите.

Марк открыл переписку. Брукс взяла телефон, прочитала сообщение, затем ответ Рэйчел. «Всё хорошо. Я с дочерью. Поговорим на следующей неделе». Под ним стояло красное сердце. Брукс посмотрела на время.

— Восемнадцать сорок две.

— Да.

— После этого контакта не было?

— Нет.

— Вы не звонили вечером?

— Она подтвердила, что в безопасности.

— Вы поверили?

Марк поднял голову.

— Я не мог приехать и проверить.

— Я спросила, поверили ли.

— Да.

Слово вышло быстро. Нора посмотрела на него, но ничего не сказала. Брукс вернула телефон.

— Её нашли сегодня в девять двадцать. Сестра приехала забрать дочь и не смогла открыть дверь. Замок был закрыт изнутри.

— Дочь была там?

— Нет. Ночевала у сестры.

Марк закрыл глаза на секунду.

— Муж?

— Утверждает, что был дома.

— Один?

— Это проверяется.

— На двери были следы взлома?

Брукс посмотрела на него.

— Вы задаёте вопросы как человек, который привык получать ответы.

— Я привык понимать, что произошло.

— Пока вы свидетель.

— Пока?

Нора резко повернулась к нему.

— Марк.

Брукс закрыла блокнот.

— Доктор Уорт, возле тела вашей пациентки нашли фразу, связанную с вашим публичным выступлением и содержанием её терапии. Вы последний специалист, который видел её живой. Вы рекомендовали ей уйти от мужа. Её супруг утверждает, что после начала лечения она изменилась и стала вести себя нерационально.

— Он это уже сказал?

— Да.

— Удобно.

— Возможно. Но я обязана проверить всё.

— Тогда проверьте его.

— Проверяем.

— И Джеймса Мерсера.

Брукс снова открыла блокнот.

— Кто это?

Марк показал сообщение с фотографией дома Рэйчел.

— Новый пациент. Считает, что психолог причастен к смерти его сестры. Следил за центром, пытался попасть в архив, отправил это сразу после вашего звонка.

Брукс взяла телефон.

— Номер сохранён?

— Нет.

— Он писал раньше?

Марк открыл переписку. Сообщения про Томаса, клинику, руки. Брукс читала молча.

— Вы встречались с ним сколько раз?

— Дважды. Один раз он не пришёл на назначенную встречу, зато вошёл через служебный вход.

— Вы сообщили полиции?

Марк не ответил.

— Почему?

— Он ничего не украл.

— Пытался открыть архив.

— Дверь была заперта.

— Угрожал?

— Сказал, что скоро мне будет не до шуток.

— И вы не сообщили.

— Я записал в карте, что нужна оценка риска.

— Очень полезно для полиции.

Марк потёр подбородок.

— Вы можете найти его?

— Если данные настоящие.

— Томас проверял. Настоящие.

— Доктор Хейл проверяет пациентов?

— В пределах доступных источников, если есть риск для центра.

— Часто?

— Когда пациент ведёт себя так.

Брукс переслала себе номер и фотографию.

— Это могло быть снято до того, как прибыла полиция?

— На фотографии уже лента.

— Значит, он был там после.

— Да.

— Или получил снимок от кого-то.

— Возможно.

— Машина его?

— Арендованная.

— Вы запомнили номер?

Марк назвал. Брукс записала без комментария. Наверху скрипнула ступенька. Нора поднялась.

— Зои, вернись в комнату.

— Я просто хотела воды.

— Я принесу.

— Я не ребёнок.

Марк посмотрел на лестницу. Зои стояла на середине, бледная, в носках, с телефоном в руке.

— В интернете уже пишут, — сказала она.

— Что?

— Что убили твою пациентку.

Нора быстро подошла к ней.

— Дай телефон.

— Мам.

— Сейчас.

Зои отдала. На экране была фотография дома Рэйчел. Заголовок местного сайта: «ЖЕНЩИНА, ПОГИБШАЯ В БЕЛЛВУДЕ, НЕДАВНО ОБРАТИЛАСЬ К ЗВЁЗДНОМУ ПСИХОТЕРАПЕВТУ».

Ниже стояла фотография Марка из эфира. Он смотрел в камеру и улыбался.

— Они уже знают, — сказала Зои.

— Иди наверх.

— Это та женщина, про которую ты вчера говорил?

— Нет.

— Её убили из-за тебя?

В гостиной стало тихо. Марк посмотрел на дочь.

— Нет.

— Откуда ты знаешь?

Он открыл рот и понял, что ответа нет. Нора положила руку Зои на плечо.

— Наверх.

Та ушла, не споря. Брукс наблюдала за ними.

— Пресса будет звонить, — сказала она.

— Уже.

— Не обсуждайте дело.

— Я умею молчать.

Нора коротко рассмеялась. Марк повернулся.

— Что?

— Ничего.

Брукс убрала телефон.

— Нам нужно получить доступ к карте Рэйчел Форд, журналам входа и камерам центра.

— С ордером?

— Можно с письменным согласием.

— Конфиденциальность не исчезает после смерти.

— Убийца использовал материал из терапии.

— Вы ещё не сказали, что это убийство.

— Не сказала.

Марк смотрел на неё.

— Её задушили?

Брукс не изменилась в лице.

— Почему вы спрашиваете именно это?

— Записка про дверь. Закрытая квартира. Вы избегаете способа смерти.

— Это не ответ.

— Я перебираю варианты.

— Вы часто перебираете удушье?

— У людей ограниченное количество способов умереть в запертой комнате.

Нора закрыла глаза. Брукс сказала:

— Причину смерти подтвердит экспертиза.

— Но вы уже видели тело.

— Видела.

— Следы на шее?

Она не ответила. Марк понял.

— Она не покончила с собой.

— Мы не исключаем ни одной версии.

— Человек, который хочет умереть, не кладёт рядом фразу, понятную терапевту.

— Иногда люди хотят быть понятыми после смерти.

— Рэйчел хотела жить. Она сняла квартиру. Составила план. Забрала дочь.

— Люди могут менять решения.

— За два дня?

— За минуту.

— Не она.

Брукс закрыла папку.

— Именно поэтому я здесь.

Томас приехал через двадцать минут. Нора открыла дверь и молча пропустила его. Он снял пальто, поставил на пол кожаную сумку и сразу увидел Брукс.

— Следовательно.

— Доктор Хейл.

Они пожали руки.

— Я привёз журналы доступа, копию политики конфиденциальности и запись камер за последние семь дней.

Брукс посмотрела на сумку.

— Быстро.

— Вы позвонили администратору. Я понял, что понадобится.

— И карта миссис Форд?

— Отдельно. Не открывал после звонка полиции.

Марк не ответил сразу.

— Ты видел журнал входов?

— Только выгрузил.

— Кто открывал её карту после последней сессии?

— Я не смотрел.

Брукс раскрыла ноутбук.

— Давайте посмотрим вместе.

Томас сел за стол и вставил накопитель. На экране появилась таблица. Даты, время, учётные записи, разделы карты. Рэйчел Форд. Последний вход Марка — четверг, девятнадцать ноль три.

Следующий — пятница, два сорок семь ночи. Учётная запись: MWORTH. Марк наклонился ближе.

— Я спал.

— Уверены? — спросила Брукс.

— В два сорок семь? Да.

Нора посмотрела на него.

— Ты был дома.

— Кто-то вошёл под моим именем.

Томас прокрутил строку.

— Устройство не указано.

— Почему?

— При входе через внутренний сервер иногда не сохраняется конечная точка.

— Иногда? — спросила Брукс.

— После обновления возникала ошибка. Мы устраняли.

Марк повернулся к нему.

— Ты мне не говорил.

— Это техническая проблема, не доступ извне.

— Кто мог войти через внутренний сервер?

— Любой компьютер в центре при наличии пароля.

— Мой пароль знаешь ты.

Томас посмотрел на него спокойно.

— И ты.

Нора перевела взгляд с одного на другого. Брукс спросила:

— Кто ещё?

— Системный администратор может сбросить. Кейт не знает. Остальные специалисты имеют собственные учётные записи.

— Пароль могли украсть?

— Да.

— Вы его где-нибудь записывали?

Марк подумал.

— Нет.

Томас сказал:

— На столе лежал блокнот с первичными паролями, когда систему устанавливали.

— Когда?

— Полтора года назад.

— Где он сейчас?

— Уничтожен.

Брукс записала.

— Камеры показывают, кто был в центре в два сорок семь?

Томас открыл папку с видео.

— Система включается по движению. Ночью сработал датчик у служебного входа.

На экране появился тёмный коридор. Внизу время: 02:39. Дверь дрогнула. Потом ещё раз.

Картинка сменилась помехами и застыла.

— Всё? — спросил Марк.

— Камера потеряла сигнал на девять минут, — сказал Томас.

— Очень вовремя.

— Вчера я говорил о царапинах на замке.

Брукс посмотрела на него.

— Вы сообщили?

— Внутренней охране.

— Полиции?

— Нет. Мы не знали, было ли проникновение.

— Теперь знаете.

Томас перемотал. В 02:50 изображение вернулось. Коридор пустой.

— Другие камеры?

— Главный вход без движения. Парковка показывает чёрный седан на дальнем участке.

Марк наклонился к экрану. Машина стояла под деревом. Номер не читался.

— Мерсер, — сказал он.

— Возможно, — ответил Томас.

Брукс посмотрела на обоих.

— Вы часто говорите «возможно».

— Обычно это честнее, чем «точно», — сказал Марк.

— Вы уверены, что ваш пациент не знал пароль?

— Нет.

— Вы вводили его при нём?

— Он был в кабинете. Компьютер на столе.

— Мог видеть?

— Я не помню.

— Камера в кабинете есть?

— Нет, — сказал Томас.

— Запись звука?

— Нет.

Брукс закрыла видео.

— Мне понадобится копия всего.

— Она ваша, — ответил Томас.

Марк посмотрел на него.

— Ты даже не спросишь про разрешение?

— Только что возле тела нашей пациентки нашли фразу из твоей сессии, а ночью кто-то открыл её карту под твоим именем. Сейчас не время изображать строгого хранителя тайны.

— Я не изображаю.

— Тогда подпиши согласие.

Томас достал из сумки документы. Марк усмехнулся без радости.

— Ты принёс форму?

— Конечно.

— Иногда хочется проверить, есть ли у тебя в сумке запасной свидетель о смерти.

— Только доверенность и ручка.

Брукс следила за ними. Марк подписал. Через десять минут приехал ещё один полицейский и забрал накопители. Брукс задала Томасу вопросы о системе, сотрудниках, доступе к картам и ночных сменах. Он отвечал коротко и точно. Ни разу не попросил повторить. Марк сидел рядом и думал о строке: 02:47 — MWORTH. Кто-то читал последние слова Рэйчел его глазами. Когда полиция ушла, Нора закрыла дверь и повернулась к ним.

— Что теперь?

— Я еду в центр, — сказал Томас. — Нужно собрать сотрудников, сменить пароли и временно отключить удалённый доступ.

— Сегодня суббота.

— Убийца не сверялся с календарём.

Марк взял пиджак.

— Я с тобой.

— Нет, — сказала Нора.

Он посмотрел на неё.

— Мне нужно быть там.

— Тебе только что сказали оставаться дома.

— Брукс сказала не обсуждать дело.

— Она сказала не приезжать к Рэйчел. Центр сейчас тоже место расследования.

— Там мои пациенты и сотрудники.

— Сегодня там никого нет.

— Поэтому и надо проверить.

Нора стояла перед ним.

— Зои наверху думает, что твою пациентку убили из-за тебя.

— Я поговорю с ней.

— Когда?

— Сейчас.

— Нет. Сейчас ты собирался уехать.

Марк провёл рукой по волосам.

— Нора.

— Иди.

Он поднялся к Зои. Она сидела на полу возле кровати. Ноутбук был открыт, рядом лежал телефон. На экране шли комментарии. «Доктор Уорт подтолкнул её уйти, и муж убил». «Очередной гуру, который не отвечает за советы». «Сначала осада, потом труп». Марк закрыл ноутбук.

— Не читай.

— Все читают.

— Это не делает полезнее.

— Она правда была твоей пациенткой?

— Да.

— Ты сказал ей уйти?

— Она уже сняла квартиру.

— Это не ответ.

Марк сел напротив.

— Я помогал ей составить план безопасности.

— Значит, знал, что муж опасный.

— Я знал, что она боялась.

— Почему тогда она умерла?

Он посмотрел на дочь.

— Я не знаю.

— А записка?

— Кто-то использовал слова из передачи.

— Тот человек убил её из-за передачи?

— Возможно, он хотел, чтобы так выглядело.

— Кто?

— Полиция выясняет.

— Ты боишься?

Марк задержал ответ.

— Да.

Зои посмотрела на него внимательнее.

— Ты никогда так не говоришь.

— Теперь сказал.

— Этот Джеймс?

Марк нахмурился.

— Откуда ты знаешь имя?

— Ты говорил маме. И вчера оставил анкету на кухне.

— Не читай мои бумаги.

— Там было имя крупными буквами.

— Он подозрительный. Полиция его ищет.

— А если это не он?

— Тогда найдут другого.

— Ты говоришь так, будто всё контролируешь.

— Я пытаюсь, чтобы ты не боялась.

— Не работает.

Марк кивнул.

— Хорошо.

Она ждала.

— Что хорошо?

— Можешь бояться. Я тоже.

Зои подтянула колени к груди.

— Ты поедешь?

— В центр.

— Конечно.

— Мне нужно.

— У тебя всегда нужно.

Он вспомнил разговор Норы в ресторане.

— Вернусь к ужину.

— Не обещай.

Марк встал.

— Вернусь.

Зои открыла ноутбук.

— Ты опять пообещал.

В центре горел свет только на первом этаже. Томас уже собрал Кейт, Дэна, системного администратора и охранника. На стойке лежали распечатки, кабели, два ноутбука и три чашки кофе. Кейт была бледной.

— Она сидела здесь два дня назад, — сказала она Марку.

— Ждала сестру.

— Я знаю.

— Я видела мужа через камеру.

— Это не твоя вина.

— Я могла вызвать полицию.

— Она отказалась.

— Я всё равно могла.

Томас поднял голову.

— Кейт.

Она замолчала.

— Мы сейчас меняем доступ. Потом идёшь домой.

— Я могу помочь.

— Уже помогаешь.

Марк подошёл к стойке.

— Кто заходил ночью?

Системный администратор, молодой мужчина по имени Лукас, поправил очки.

— Пока неясно. В серверной следов нет. Дверь открывали электронным ключом.

— Чьим?

— Система не сохранила идентификатор.

— Очень полезная система.

— После сбоя часть логов повреждена.

Томас сказал:

— Не начинай.

— Я ещё не начал.

— Начал утром.

Лукас открыл окно на ноутбуке.

— Пароль доктора Уорта использовали локально. Внешнего соединения не было.

— С какого компьютера?

— Возможно, из кабинета номер пять или из административной комнаты.

— Там камеры?

— В коридоре.

— И они отключились.

— Только возле служебного входа. Внутренние работали.

Томас включил записи. В два тридцать семь коридор был пуст. В два сорок один свет возле лестницы мигнул. Камера на несколько секунд потемнела, потом вернулась. Никого.

— Призрак, — сказал Марк.

— Или человек знает расположение камер, — ответил охранник.

— Кто знает?

— Сотрудники. Подрядчики. Любой, кто внимательно смотрел.

Марк вспомнил Джеймса в кабинете. Окно, дверь, коридор, вопросы о камерах.

— Мерсер внимательно смотрел.

Томас открыл фотографию его машины.

— Брукс уже ищет.

— Она найдёт пустой мотель.

— Почему?

— Такие люди не сидят там, где указали адрес.

Кейт сказала:

— Он звонил час назад.

Все повернулись.

— Кто? — спросил Марк.

— Джеймс Мерсер.

— Что хотел?

— Вас.

— Что сказал?

— Спросил, вы уже поняли записку.

В холле стало тихо.

— И?

— Я сказала, что не могу соединить.

— Он ещё что-то сказал?

Кейт сглотнула.

— Сказал: «Тогда передайте, что это только первая дверь».

Марк почувствовал, как Томас посмотрел на него.

— Номер сохранился?

— Скрытый.

— Почему ты сразу не позвонила?

— Полиция была у вас. Я думала, они знают.

Томас взял телефон.

— Звони Брукс.

Марк достал свой.

— Я сам.

Брукс ответила сразу. Выслушала, задала Кейт несколько вопросов, попросила сохранить запись разговора, если она есть.

— Он звонил с внутренней линии? — спросила она.

— Нет, на общий номер.

— Голос уверенно узнаете?

— Кейт узнает.

— Мы ещё не нашли Мерсера по адресу. Машина возвра-

цена в прокат вчера утром.

— Значит, он использует другую.

— Возможно.

— Он сказал, что это первая дверь.

— Я слышала.

— Вам этого достаточно для задержания?

— Для поиска достаточно. Для задержания нужны основания.

— Возле тела его фотография.

— Фотография пришла вам с неизвестного номера. Мы ещё не доказали, что отправил он.

— Кто ещё?

— Хороший вопрос.

Она отключилась. Томас смотрел на Марка.

— Теперь признаешь, что это угроза?

— Да.

— Прекрасно. Понадобился один труп.

Марк резко повернулся.

— Не говори так.

— А как говорить?

— Не так.

— Рэйчел мертва. Мерсер звонит и обещает продолжение. У тебя украли пароль. Я пытаюсь добиться, чтобы ты перестал вести себя как человек, который всё ещё контролирует ситуацию.

— Я не контролирую.

— Тогда почему споришь с каждым, кто говорит, что ты в опасности?

Марк ударил ладонью по стойке. Кейт вздрогнула. Томас замолчал. Марк посмотрел на свои пальцы.

— Простите.

Кейт кивнула. Томас подошёл ближе.

— Иди домой.

— Нет.

— Здесь закончим без тебя.

— Он использовал мою фразу.

— Именно поэтому ты сейчас бесполезен.

Марк поднял взгляд.

— Очень поддерживающе.

— Ты хочешь поддержки или честности?

— Сегодня можно было выбрать поддержку.

— Нора выбрала.

— Не впутывай её.

— Ты уже впутал всех.

Фраза повисла между ними. Томас первым отвёл взгляд.

— Я имел в виду публичность.

— Знаю.

— Поезжай домой. Я вызову охрану к дому.

— Не нужно.

— Уже вызвал.

— Разумеется.

Марк забрал пальто. У двери остановился.

— Ты открывал карту Рэйчел после моего звонка?
Томас посмотрел на него.

— Нет.

— До?

— Нет.

— Ты мог?

— Мог.

— Пароль мой знал.

— Знал.

— И система не сохранила устройство.

— Марк.

— Я спрашиваю.

— Я не открывал её карту ночью.

— Хорошо.

Томас смотрел ещё секунду.

— Ты мне веришь?

Марк усмехнулся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.